

Беглец из Кандагара

Автор:

Александр Холин

Беглец из Кандагара

Александр Холин

Ошский участок Московского погранотряда в Пянджском направлении. Командующий гарнизоном полковник Бурякин получает из Москвы директиву о выделении сопровождения ограниченного контингента советских войск при переходе на территорию Афганистана зимой 1979 года. Два молодых офицера отказываются выполнить приказ, и вынуждены из-за этого демобилизоваться. Но в 1984 году на том же участке границы «пограничный секрет» вылавливает нарушителя. Им оказывается один из тех офицеров. При допросе выясняется, что он шел в район высокогорного озера Кара-Су – "Черная вода", где на острове посреди озера находился лагерь особо опасных заключенных, одним из которых якобы являлся девяностолетний Рудольф Гесс, один из создателей Третьего рейха!..

Александр Холин

Беглец из Кандагара

(мистико-мегалитический или криптографический роман)

Если вы можете научить человека добру и не делаете этого – вы теряете брата. Если человек не расположен принять поучения, а вы всё-таки передаёте их ему – вы теряете слова. Мудрый просвещённый человек не теряет ни братьев, ни свои слова.

Китайское умозаключение

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Над хмурыми горными вершинами сквозь тучи вдруг проглянул маленький, но яркий лучик солнца, который стремился своей яркостью разогнать сгущавшийся мрак над границей с Афганистаном. У солнечного вестника это плохо получалось, но он не оставлял своих усилий. Что ж, иногда и в природе происходит нечто необычное. Недаром говорят: «и один в поле воин», только бывает это крайне редко. К тому же весёлый солнечный лучик так и не справился с неотвратимо опустившимся на землю мраком...

Полковник Бурякин, командир Московского погранотряда на Пянджском направлении, шагал по плацу к себе в кабинет. Из-под глубоко натянутой на лоб офицерской фуражки иногда видны были острые глаза, настороженно оглядывавшие пространство. Надо сказать, полковник надвигал фуражку на глаза только в очень непредвиденных, тяжёлых ситуациях или, как модно стало говорить в последнее время, в форс-мажорных обстоятельствах.

Сегодня был именно такой день. Рано утром ночной дозор подстрелил на пограничной реке Пяндж одного нарушителя. Второго унесли бурные речные потоки, и он, скорее всего, утонул. А вот третьего взяли живьём. Оказалось, что попавший в плен афганец-талиб замечательно говорил по-русски. Впрочем, на что только эти моджахеды не способны! Как доложили полковнику, моджахед плакал горячими слезами, называл советских пограничников «братанами», бил себя в грудь и ругался отборным русским матом.

– Так материться могут только в России! – заключил один из дозорных.

– Ладно, разберёмся! – вслух пообещал себе полковник и вошёл в подъезд офицерского корпуса.

Кивнув постовому, который вытянулся при виде начальства по стойке смирно, офицер прошёл в свой кабинет, бросил фуражку на старенький ширпотребовский диванчик с откидывающимися на оконных петлях валиками и плюхнулся в своё кресло. Вот эта часть мебели в кабинете, а заодно и массивный письменный стол с крышкой, покрытой зелёным сукном, были гордостью сержанта сверхсрочной службы Семёна Семёина, которому рядовые приклеили несуществующее звание «адъютанта его превосходительства».

Хотя это и занимало уйму времени, Семён специально ездил на ГАЗ-66 в Ош, где какая-то таджико-советская фирма, уважающая работу пограничников, выделила для начальника части прекрасный двухтумбовый стол и кресло в стиле ампир. После недельного путешествия по горным дорогам адъютант привёз раздобытую им мебель в часть и, сияя веснушчатым лицом, с удовольствием выслушивал похвалу своей сметливости. А восхищались все офицеры, кроме самого хозяина кабинета.

Тот какое-то время не мог привыкнуть к роскошной мебели, поселившейся в его кабинете, и наотрез отказался избавляться от старенького диванчика. И всё же сдался, слыша восхищённые цоканья языком от рядовых до офицеров. Но как не сразу Москва строилась, так не сразу привык к новой обстановке и полковник.

– Юрий Михайлович, – в дверь кабинета просунулась рожица «адъютанта», – Юрий Михайлович, разрешите доложить?

– Что там у тебя, Сеня? – нахмурился полковник. – Только не надо мне опять всё расписывать по уставу. Просил же!

– Слушаюсь! – рявкнул Семён и тут же осёкся. Просьба начальника служила для него вторым уставом, даже больше. – Сегодня ночью был совершён побег с острова, Юрий Михайлович. Из лагеря особо опасных преступников.

– Как?! – не сдержался полковник. – Кто сбежал? Откуда на острове лодка?

– Там нет лодок, – доложил «адъютант». – И никаких других плавсредств не обнаружено, кроме бревна, снятого из стропил на крыше одного из барачков.

- Где, говоришь, нашли бревно? – полковник удивлённо поднял брови.

- Зеки сумели его выковырять из стропил. Причём крыша не рухнула! Но всё равно удрать им не удалось.

- На дно?

- Так точно! – отчеканил сержант. – Беглецов двое было. В охране на озере – призывники сверхсрочной службы из спецбатальона КГБ, приписанного к нашей части. Так они благополучно всё проспали. Я бы на месте командующего округом переписал бы их в дисбат в полном составе. Но, правда, их тоже понять можно: кого охранять-то? Через озеро вплавь не удавалось переправиться ещё ни одному животному, ни одной утке. Даже рыба там не водится. Где уж человеку через озеро Мёртвой воды переплыть?

- Мёртвая вода, говоришь? – хмыкнул полковник. – Знаешь, Сеня, так это озеро ещё никто не называл. Ты первый. Поздравляю!

- Служу Советскому Союзу! – щёлкнул каблуками «адъютант». – Я ведь не нарочно, Юрий Михайлович, так само получилось. Если в русских сказках есть живая вода и мёртвая, то не удивительно, что здесь целое мёртвое озеро. А откуда оно взялось?

- Понимаешь, я тоже мало об этом знаю, – полковник пожевал губами и на секунду задумался. – Ведь наше озеро, Кара-Су, с туркменского переводится как чёрная вода, но не мёртвая. К тому же оно не обозначено ни на одной карте. Южнее по Пянджу стоит посёлок Рушан. Возле него, но уже на афганской стороне, есть озеро Шива. Этот водоём значится на всех картах. А наше озеро не отображают даже в заграничных атласах.

- Может, просто запретная зона?

- Я бы сказал... – Юрий Михайлович внимательно посмотрел на сержанта. – Я бы сказал, запретная зона – не только озеро. Мне кажется, наш Пянджский погранотряд вместе с охранниками из спецбатальона КГБ находится на территории одного из аномальных мест на этой планете.

– Ух, ты! – округлил глаза сержант. – Настоящий Бермудский треугольник!

– Сам ты треугольник! – хмыкнул офицер. – Как вас всех на границу тянет! Если треугольник, то обязательно Бермудский! Забыл, что ли, про наш Кунгурский, про Алтайский, Онежский? Там, брат, дела покруче случаются, и Бермудам до наших русских аномалий как до Луны раком! Вот так-то.

Сержант фыркнул на замечание начальника, но быстро взял себя в руки. Однако лучезарная улыбка не исчезла с его веснушчатого лица. Войны – войнами, а должна же быть где-то обычная человеческая радость! Ведь сколько сражений произошло в мире за всю историю человечества, сколько справедливых, освободительных, захватнических и вообще хищнических войн! Но ни в одном революционном сражении либо освободительном движении с узаконенным и оправданным убийством ещё не было победителя.

Нет, мимолётные победы, безусловно, были, но они все почти сразу же исчезли, рассыпались по земле пухом, растеклись по мостовой грязной лужицей, и о «великих» победах забывали в итоге даже сами воители. Не забывали только о ранах, о перенесённой боли, о потере близких друзей и даже веры в себя. Ведь война приносит тяжёлые раны не одним людям, но и самой земле.

Осмыслив это, человек поневоле задаёт себе вопрос: а зачем я пришёл в этот мир? Уничтожить такого же, как и я? Раздобыть в сражении золото и власть для кучки правящих идиолов, которые тут же принимают сочинённый ими очередной закон, ущемляющий права тех, кто только что отвоёвывал для них трон? Или же человек пришёл из небытия только для того, чтобы Пожрать, Поспать, Потрахаться, Погадить и Подохнуть? Вот тогда, в конце, можно спокойно уходить в небытие, параллельный мир, Зазеркалье или inferнальное измерение, где живут подстрекающие человека отвергнутые ангелы, чтобы безнаказанно сделать кому-то гадость.

Эти мысли частенько посещали не совсем ещё отупевшую от пограничной службы голову Юрия Михайловича, ибо для любого солдата всех чинов и званий задумываться и докапываться до основ бытия весьма полезно.

– Ладно, – полковник поднял глаза на сержанта. – Сейчас дуй на причал, скажи, пусть моторку готовят. Поедем на остров.

– Юрий Михайлович, а как же нарушитель?

– Какой нарушитель? – нахмурился офицер. – Ах, да! Забыл совсем. Которого утром на речке взяли? Ничего, подождёт твой нарушитель. Мне срочно с офицерами из батальона охраны разобраться надо. Зона находится на нашей территории, значит, мы отвечаем за всё, что у них там непотребного происходит. Недаром батальон, относившийся раньше к Внутренним войскам, причислен теперь к нашей пограничной части и, значит, полностью подпадает под юрисдикцию КГБ, а командование КГБ не очень-то любит разделять власть. Если никто со времён Второй мировой войны отсюда ещё не убежал, то это совсем не значит, что никто не попытается сбежать! Распустились, мазурики, охраннички хреновы!..

Причал на озере Кара-Су был смонтирован из брошенных в воду армейских понтонов, сверху схваченных деревянными щитами из досок, пропитанных креозотом. Может быть, и не надо было вообще трогать это озеро, потому как действительно никакая рыба в нём не водилась, водоросли не росли, и даже перелётные птицы облетали это место стороной.

Несмотря на то, что государственная граница находилась под боком, остров на озере Кара-Су решили использовать как зону особо строгого режима, поскольку сбежать с острова было практически невозможно, разве что по воздуху. К тому же каждому будущему насельнику острова отдельным указом «Тройки»[1 - «Тройка» – судебная структура в СССР с 30-х по 50-е годы XX века.] в сталинские времена предназначалось нести с собой в горы вместо еды и питья весомый мешок тёсаных булыжников для прокладки мощёной дороги. Слабых осуждённых, кто не смог донести свой мешок до конечного пункта назначения и падал без сил на этапе, сбрасывали в пропасть на съедение шакалам. Оставшихся в живых гнали к озеру, сажали в мотобот и отвозили на остров, где уже всю строились шесть вместительных барачных бараков ранее прибывшими островитянами.

Барачки на острове выкладывали в основном из сланца, потому что ни кирпичей, ни стволов деревьев в высокогорье отыскать было невозможно. И только на самом острове, как насмешка над окружающими дикими, почти голыми скалами, между высившимися двумя сопками росли карликовые деревца и кустарник, создавая своеобразный таёжный урман.

Из низин в это место вела только одна дорога. Эта страшная, мощёная булыжником и, по сути, человеческими костями дорога из Оша до Кара-Су была проложена давно, но местные жители ездили по ней крайне редко. Среди таджиков бродило поверье, что каждый камень этой дороги заключает в себе душу убитого сталинским правительством человека. Так это или нет – кто знает? Однако люди упорно избегали общения с дорогой к необыкновенному озеру, которого побаивались даже местные жители.

Собственно, Таджикистан, Казахская ССР, Иран и Афганистан были в достопамятном прошлом единым государством, где пророк Заратустра, выходец из Аркаима.[2 - Аркаим – столица Царства, или Страны Десяти Городов.] столицы Царства Десяти Городов, обосновал первую в мире религию – поклонение огню. В Индии до сих пор сжигают ушедших в потусторонний мир Зазеркалья на огромных кострах. Со смертью пророка зороастризм, однако, постепенно угас, и больше половины ариев и асов стали переселяться южнее, где возникло древнее царство Чжоу, отгородившееся от остального мира Великой стеной. Оставшихся ариев северные ваны, вятичи и родимичи стали называть хазарами. Но об этих южных соседях старались не говорить даже в сибирском Царстве Десяти Городов, потому как хазары, несмотря на воинственный характер, владели искусством магии и могли одним лишь проклятием наслать порчу на весь род до седьмого колена.

Среди северян не принято было плохо отзываться о хазарах; их стремились не поминать хотя бы потому, что хазарские мастера воздвигли город Ариан-Вэджа, красотой и архитектурой во многом превосходивший Аркаим, самый крупный город на юге Рипейских гор.[3 - Рипейские горы – ныне: Уральские горы.]

Хотя предки хазаров тоже были выходцами из Гипербореи, однако они не пускали к себе никого из посторонних. Даже закрыли путь возвращения в Ариан-Вэджу отдельному племени, перекочевавшему на северо-запад, в далёкую Лапландию. Для ушедших оставили только надежду, что после смерти им разрешат вернуться в заветную покинутую Валгаллу, великую родину предков, и выпить вина с вечно живущими там нибелунгами.

Только развитие цивилизации хазарского царства пошло по какому-то иному пути, совсем не похожему на путь развивавшихся Китая или Египта.

Но и это царство не уцелело под маятником времени, режущим весь мир, как листочки тонкого папируса. Остатки древней цивилизации ещё хранились где-то

в Афганистане или в ламаистских обителях на недоступных отрогах Гималаев, сбережённые старцами горных аулов, но жителей долин давно захлестнула общая волна технократии и повального поклонения деньгам, то есть Мамоне или Золотому Тельцу.

Может быть, воссоединение распавшегося сакрального царства даст возможность постигнуть тайну смысла жизни? Скорее всего, именно поэтому Советское правительство откликнулось на призыв о помощи аятала Хомейни несколько лет назад и ввело войска в Афганистан через участок Московского погранотряда? Только вот незадача вышла у Советского Союза с Афганистаном. Объединять народы с помощью интервенции, насилия и тоталитаризма – это пахнет не просто войной, а преступлением против человечества.

Не желали афганцы подпадать под чью-либо опеку: ни под неусыпную охрану Союза Советских Социалистических Республик, ни под дружественную заботу Америки. Как были вольными, так и скончаются не порабощёнными. Что ж, в этом тоже есть какая-то сермяжная правда природы. Ведь человек послан в этот мир вовсе не для разжигания ненависти, смуты и насилия, не для порабощения и создания рабовладельческих государств под каким угодно названием или вывеской, а для того, чтобы хоть чем-то помочь соседу, равно как и себе самому, выпутываться из жизненных паутинок.

Даже давешние обитатели острова не смогли ужиться с остальными жителями планеты, вот и попали сюда, в такой необыкновенный лепрозорий. Видимо, и на этом, отделённом от остального мира, острове жить несладко, иначе никто не пытался бы убежать оттуда, зная, что шансы побега столь ничтожны.

Сумбурные мысли крутились в голове полковника по дороге к причалу. Вековая история этих краёв вспоминалась чаще, чем хотелось бы. А озеро с мистической мёртвой водой было под боком, и кураторство над батальоном КГБ лежало тяжким бременем на плечах командира погранотряда. Собственно, опираясь на такое положение, Юрий Михайлович давно уже мог бы познакомиться с островом и его обитателями, но душа как-то не лежала к таким обязательствам. Только форс-мажорное обстоятельство вынуждает к действию, и этим действием сегодня будет поездка к заключённым, сосланным на остров ещё в сталинское время.

– Юрий Михайлович, – подал голос шофёр армейского «козлика», на котором командир отправился к озеру. – Похоже, сегодня гэбэшники собираются

сопровождать вас полным составом.

Офицер глянул через лобовое стекло «Газика» на показавшееся впереди горное озеро, где возле понтонного причала сустились множество охранников. Причём все взводные были в общевоинской форме с красными петлицами и красным околышем на фуражках, а рядовые, как в давние сталинские времена, носили чёрные шинели с голубыми петлицами и чёрные фуражки с голубыми околышами. Видимо, каждый из спецбатальонов КГБ выделялся какими-то особенностями в обмундировании.

Военных у причала собралось действительно много: казалось, весь гарнизон, готовясь к приезду высшего начальства пограничной зоны, был поднят «в ружьё». Во всяком случае многочисленное охранное воинство не поместилось бы на небольшом мотоботе и скоростном катере, пришвартованных у понтонного причала, чтобы сопровождать прибывшее начальство на остров.

– Может, я и ошибаюсь, Юрий Михайлович, – снова подал голос шофёр, – но, по моему, охранники создают ИБД, то бишь Имитацию Бурной Деятельности, чтобы показать высшему начальству свою неусыпную бдительность. Выпрашивают снисхождение, и тогда, может, им не слишком много взысканий отваяют за пытавшихся сбежать.

– Кстати, сержант, не знаешь точно, сколько человек бросилось удрать с острова? – посмотрел на шофёра полковник. – И есть ли кто-нибудь живой из беглецов?

Юрий Михайлович, конечно же, владел информацией, но по своей «дедуктивной» привычке всегда расспрашивал об известных уже фактах своих подчинённых. Это давало великолепную возможность определить, как тот или иной подчинённый относится к свершившемуся факту.

– Сбежать пытались двое, – деловито отрапортовал шофёр. – Обаплыли, вцепившись в бревно. Беглецов заметили, но стрелять не стали – и так не уйдут. Вдруг на середине озера бревно поднялось над водой торчком, как поплавок на удочке, и нырнуло вниз. Оба беглеца исчезли вместе с бревном.

– Да. Дела! – крикнул Юрий Михайлович. – Фантасмагория какая-то, понимаешь! Поневоле в магию поверишь.

– Тут нет ничего необычного! – беспечно парировал шофёр. – Наш погранотряд и это озеро находятся в аномальной зоне, примерно такой же, как Бермудский треугольник. Недаром же – целое озеро мёртвой воды!

– И ты тоже про Бермуды! – проворчал офицер. – Если здесь настоящая аномальная зона, то обязательно Бермуды?! Дались они вам! Мой адъютант тоже, кроме Бермудов, ничего не знает. А ведь есть и другие!

– Знаю, знаю, – ухмыльнулся шофёр. – На земле нашли четырнадцать аномальных треугольников, то есть зон. Ровно столько же лучей насчитано было у Вифлеемской звезды, которая катилась по небу перед волхвами с севера на юг, указывая дорогу. А Бермудский треугольник – это, может быть, эталон, по которому надо расценивать остальные пятна.

– Ну, про Бермудский треугольник ты хватил чуть-чуть лишку, потому как там не было никогда мёртвой воды, про тамошних пиратов до сих пор фильмы показывают и книжки пишут. Как видишь, живые не умирают. А вот про наше озеро сказать пока ничего не могу. Известно только, что никто переплыть не может – это факт! Факты всегда были настолько упрямы, что мешали историкам укладывать происходившее на полки среднестатистического восприятия и понимания.

– Хватил лишку?! – воскликнул шофёр. – Да что вы, Юрий Михайлович! Любой рядовой знает, что нам выпало служить на границе не с другим государством, а с мистической энергией планеты! Недаром местные говорят, что где-то здесь недалеко и Беловодье.

– Это ещё что за выдумка такая?

Полковник Бурякин и раньше, чуть ли не с раннего детства, много раз слышал рассказы о Беловодье: дескать, где-то на севере есть целая страна, куда ушли русские старообрядцы в семнадцатом веке, спасаясь от кровавого православно-католического патриарха Никона. Эта легенда обросла множеством выдумок, переделок и досказываний, из чего вылепился легендарный Китеж-град, стоявший когда-то на берегу то ли Ивановского озера в Нижегородской губернии, то ли в Прионежье. Во всяком случае, советских материалистических историков мало интересовали стародавние байки про волшебный город или сказочную страну, где нет и не было ни войн, ни тяжб, ни подлостей, ни смут.

Когда-то и о Трое говорили, что, мол, сочинительству греческого писарчука Гомера – грош цена. Надо сказать, поверил словам слепого писателя лишь один немец Шлиман. Результат всем известен. И самое интересное, что на археологические находки сразу отыскивались наследники в лице турецкого правительства.

– Какое ещё Беловодье? – продолжил полковник.

– Как же, Юрий Михайлович! Неужели не знаете?! – удивился шофёр. – Беловодье – настоящий город, даже царство, куда ушли жить в семнадцатом веке старообрядцы. Многие пытались отыскать туда дорогу через Алтайские горы. А Беловодье, оказывается, здесь, почти рядом с нами. Только пройти туда можно не каждому, как и в Китеж-град...

Надо же! Сержант почти в точности повторил мысли, приходившие в голову полковника несколько раньше! Вот и верь после этого уважаемым материалистам, что никакой мистики не существует. А существует-де только страсть: набить брюхо ливерной колбасой.

– Ладно, – согласился полковник. – Приехали уже. Ты мне в Беловодье дорогу потом покажешь.

– Хорошо, – согласился шофёр.

Охранники, заметив подъезжавший «Газик» погранотряда, выстроились в две шеренги, и майор Рукавицын застыл, отдавая честь выходящему из автомобиля пограничнику.

– Товарищ полковник, разрешите доложить?! – отчеканил майор.

– Докладывайте, – кивнул Юрий Михайлович.

– За охраняемым батальоном особого назначения объектом нарушений не наблюдалось вплоть до вчерашней ночи. С охраняемого объекта ровно в три часа по московскому времени отплыло бревно, уцепившись за которое, пытались переправиться через озеро двое заключённых. Оба принадлежат к военнопленным фашистской Германии.

– Вольно, – скомандовал полковник. – А теперь, Рукавицын, отставить доклад и рассказать всё подробнее, своими словами.

– Слушаюсь!

– Я же сказал, отставить! – поморщился полковник. – Докладывать попроще. Хочу, наконец, понять, что же всё-таки произошло? Ведь раньше подобные случаи не наблюдались?

– Наблюдались, товарищ полковник, – возразил майор. – Лагерь особого режима организован здесь в тридцатых годах, и первыми заключёнными были ирано-афганские боевики, то есть басмачи. Сбежать с острова никому ещё не удавалось, потому что по каким-то природным причинам плывший человек вдруг без звука пропадал в глубине, будто его утащила за ногу хищная рыба. Но ни одного живого существа, ни одной рыбёшки в этом озере не замечено. Даже водорослей нет. Наши химики проводили лабораторный химический и биологический анализ воды, только ничего особенного в ней не обнаружено. Однако если просто окунуть руку в воду, то на вторые сутки кожа покрывается страшными гнойными язвами. Заражение быстро распространяется по всему телу, и человек умирает заживо.

– Это как? – не понял Юрий Михайлович. Его даже передёрнуло от представленной картины умирающего заживо.

– Я сам не видел, – тут же начал оправдываться майор. – Но, говорят, мозг человека разрушается в последнюю очередь, и погибающий видит, как его тело разваливается на отдельные части. Никто ему помочь не может, и сознание не отключается, если, конечно, не пустить пулю в голову.

– Да, страшная смерть.

– Страшная, – согласился майор. – Мы до сих пор были уверены, что никто из заключённых на побег не осмелится. Насельникам острова по действующему распоряжению регулярно поставляются продукты, инструменты, строительные материалы. Но и только.

– То есть заключённые живут без права переписки? – уточнил полковник.

– Конечно! – подтвердил Рукавицын. – Более того, никому из охраны не положено общаться с насельниками, и есть специальное указание не отправлять туда никакой корреспонденции. Так что островитяне сейчас вряд ли знают о происходящих в мире событиях. Я думаю, такой указ поступил из Москвы не даром, потому что одним из заключённых является фашистский фельдмаршал Гесс.

– Кто? – не поверил своим ушам Юрий Михайлович. – Рудольф Гесс? Вы что-то путаете, майор. Этому человеку сейчас должно быть не менее ста лет, и сидит он, если ещё жив, в Германии, в тюрьме Шпандау.

– Ничего не путаю, товарищ полковник, – обиделся Рукавицын. – Именно сегодня, двадцать шестого апреля, ему исполняется девяносто. А сидит он у нас. Тот, что в Шпандау, наверное, двойник. Недаром же двойник этот не мог вразумительно ответить ни на один вопрос, которые задавали ему судьи на Нюрнбергском процессе.

– Девяносто? – переспросил полковник. – С ума сойти! Значит, он родился...

– Так точно! – перебил майор. – В тысяча восемьсот девяносто четвёртом, за шесть лет до двадцатого века. В начале Второй мировой он был здоров и бодр, несмотря на то что в Первой мировой имел три серьёзных ранения. Сейчас, правда, выглядит как довольно пожилой человек, но никогда не скажешь, что ему уже под сто. Может, двужильный он, а может, здешний климат как-то повлиял. Недаром же на острове есть единственный в нашем высокогорье зелёный живой уголок.

– Подожди-ка, – нахмурился Бурякин. – Всё-таки кто был тогда на Нюрнбергском процессе? Двойник, говоришь? Говорят, Рудольф Рихард Гесс, правая рука Гитлера, на Нюрнбергском процессе пытался прикинуться сумасшедшим, но у него ничего не вышло. Затем его приговорили к пожизненному заключению в берлинской тюрьме Шпандау, где и содержится до сих пор... Как же он мог попасть сюда, на остров? К тому же, когда и кем ему пожалован чин фельдмаршала?

– Ну, насчёт фельдмаршала, может быть, я немного ошибся, но Гесс известен в истории как «серый кардинал» Гитлера – рейхсминистр, – пояснил майор. – Вначале Великой Отечественной второй человек Третьего рейха совершил

дерзкий полёт на английский остров и с парашютом выпрыгнул над Шотландией. По каким делам, с какими предложениями Гесс хотел обратиться к Черчиллю – никому не известно. «Серого кардинала» почти сразу арестовали и разместили в лучших номерах Тауэра. Там он и отбывал срок почти до самого окончания Второй мировой, но однажды, а точнее, через четыре года тюремного заключения, рейхсфюрер вдруг исчез из поля зрения правящих кругов всех стран земного шара. Причём никто толком не объяснил, как и почему исчез заключённый? И не просто исчез, а сбежал из неприступной тюрьмы! Английское правительство опубликовало подложный указ о переводе необыкновенного арестанта под особый надзор, дабы избежать похищения узника заинтересованными лицами. Но слухи о том, что рейхсфюрер сбежал, наводнили умы Европы стараниями средств массовой информации. В течение нескольких дней в Европу просочились сведения, что Гесса вроде бы выловили на переправе через Ла-Манш и отвезли назад, в Тауэр, где он содержался до Нюрнбергского процесса, но представители американских спецслужб говорят, что произошла реальная подмена. Многие думали, что Гесс удрал в Южную Америку и скрывается в джунглях Амазонки от надоевшего ему мира. Но всё оказалось гораздо проще: наше НКВД выкрало фельдмаршала прямо из-под носа Черчилля, Рузвельта и фюрера, поместило его до поры здесь, но с какой целью, опять же не знает никто. На этот вопрос мог ответить только Верховный Главнокомандующий Советской Армии, а сейчас это дело просто стараются не вспоминать. Как говорится: с глаз долой – из сердца вон.

– За подробный доклад спасибо, товарищ майор, – удовлетворённо кивнул Бурякин.

– Только вы уверены, что здесь содержится именно он? И кто тогда был на Нюрнбергском процессе?

– Рудольф Гесс, – пояснил майор, – это одна из наиболее одиозных личностей времён Третьего рейха. Достаточно знать, что он участвовал во многих тактических военных разработках и приложил руку к плану «Барбаросса», только участвовать в нём «серому кардиналу» уже не пришлось. Но, используя тактические разработки Гесса, немецкие войска всегда одерживали блистательные победы. Надо сказать, Гесс принимал непосредственное участие в похищении Муссолини из итальянской тюрьмы в тридцатых и в победе немцев над англичанами в Дюнкерке. Даже НКВДэшники решили воспользоваться разработанной для штурмовиков программой и применили её к самому изобретателю тактических военных операций. Они просто выкрали Гесса из

камеры в Тауэре и доставили в Советский Союз без особого шума и крика. На его месте оказался верный Черчиллю и Сталину камикадзе, поскольку признавать такой побег реальностью было тогда для англичан равносильно самоубийству. Хотя за время заключения в английской тюрьме «серого кардинала» на фоне войны стали понемногу забывать. Чаще всего вспоминал о нём разве что сам фюрер, поскольку приходился крёстным отцом сыну Рудольфа Гесса.

– Чем же так опасен ваш «серый кардинал»? – полковник с интересом взглянул на Рукавицына. – Или идеи всё-таки берут верх над основами материализма?

– Материализм здесь ни при чём, Юрий Михайлович. Рудольфа Гесса со сталинских времён держат на острове, но для чего? для кого? – майор опять непонимающе пожал плечами. – Допустим, кто-то из советского руководства хотел принудительным способом переманить «серого кардинала» в наш лагерь, то есть сделать из него «красного кардинала», тем более что таких умов во всех странах планеты не так уж много. Можно по пальцам пересчитать. Но с тех самых времён вторым человеком Третьего рейха никто так и не интересовался. А в прошлом году в немецкой тюрьме Шпандау произошло довольно экстравагантное покушение на содержавшегося там Рудольфа. Заключённый остался жив, но преступников не поймали, так что есть кому совершить повторное покушение, дабы исправить промах.

– Вы же только что говорили, будто его ищут в джунглях Амазонки? – усмехнулся полковник.

– Вовсе нет! – принялся отнекиваться майор. – Это только предположения разных заинтересованных лиц, а, может, простой трёп в министерских кругах – надо же кому-то кости перемыть! После посещения сотрудниками института «Аненэрбе» ламаистских монастырей и тибетской столицы Лхасы в руки Гесса и Гитлера попали уникальные материалы овладения миром. Конечно, и англичане знали об этом. Разведка «Интеллидженс сервис» никогда не работала плохо.

– Стоп! Значит, всё-таки двойник рейхсфюрера отбывает пожизненное заключение в Шпандау и притворяется больным острым психозом?

– Вот именно! – подхватил майор. – Умалишённый – это двойник! А настоящий – здесь, у нас! Хотя мне уже самому с трудом в это верится. Зачем Сталину нужен был военный тактик и аналитик, к тому же владевший сакральной мистикой,

если о нём до сих пор никто не вспомнил?

Обсуждая интересующую тему, офицеры прошли перед шеренгой охранного батальона и спустились к причалу. Взглянув вблизи на мёртвую воду, Юрий Михайлович невольно содрогнулся. Нет, в воде не было ничего притягивающего или отталкивающего – вода как вода. Но какая-то необъяснимая волна отрицательной энергии хлынула со стороны озера и чуть ли не ощутимо подкатила к ногам шедших по берегу офицеров.

– Я думаю, Юрий Михайлович, – майор даже доверительно снизил голос, – что дело Рудольфа Гесса ещё не поднималось нашим правительством, то есть пока не проверялись факты исследований германского института паранормальных явлений «Аненэрбе», которым руководил непосредственно «серый кардинал». Но самого руководителя убрали с глаз долой до поры до времени, а все архивы и задокументированные опыты института благополучно лежат на каких-нибудь заветных полках в подвалах Конторы.[4 - Контора (сленг) – здание КГБ на Лубянке в Москве.] Пока кто-нибудь из власть имущих изволит почесаться и обратить внимание на уникального заключённого, он давно уже преставится в мир иной. Ведь никто из нас не вечен. Поэтому и попытался кто-то из них переплыть мёртвую зону. А вдруг получилось бы?

– Думаете, всё так серьёзно? – прищурился полковник.

– Не думаю, – знаю! – уверенно ответил майор. – Я понимаю, что у вас раньше просто не было времени ознакомиться с какой-то там зоной особо опасного режима, находящейся, к сожалению, на подвластной вам территории. Но сейчас подвернулся его величество случай! Ведь ничего случайного не бывает, вы же знаете.

– Полагаете, мне всё же стоит посетить остров? – Юрий Михайлович с сомнением посмотрел на майора. – Ну, и что я там увижу?

– Хотя бы того же Гесса! – запальчиво произнёс собеседник. – Пленные немцы живут там в отдельном бараке. Но между жителями острова до сих пор не было замечено ни одной ссоры, ни одной конфронтации. Если они нашли тот заветный путь взаимопонимания и терпения, то поневоле пожалеешь наших Генеральных секретарей Коммунистической партии, ибо у них никогда не будет никакой школы содружества и терпимости к ближним. Представьте, заключённые не

ссорятся даже из-за привозимых им продуктов! Мне кажется, островитяне – это уже какая-то отдельная новая нация, развивающаяся сама в себе цивилизация. Примерно такая, как скрывшиеся в неизвестном направлении старообрядцы... Признаться, мне показалось странным, что кому-то из заключённых понадобилась связь с внешним миром. Для чего? Ведь двое этих беглецов не могли не знать, что идут на верную смерть! Ответ можно найти только на острове, и то, если островитяне захотят общаться с нами.

– Не захотят разговаривать с приносящими им еду? – усмехнулся полковник. – Это, по-моему, исключено.

– Приносящими еду? – как бы не так! Я забыл вам доложить, – извинился майор, – что, несмотря на постоянное снабжение продуктами с Большой земли, заключённые понемногу обзавелись и собственным процветающим хозяйством. Остров в нашем высокогорье является настоящим оазисом. По настоянию того же Рудольфа Гесса мы помогли организовать там довольно приличный птичий двор, и вручную они засаживают несколько полей чечевицей, картофелем и гречихой. Также прямо на склонах сопки разводят кроликов, благо травы и кустарника там вдоволь. Ведь самое главное – иметь несколько акров плодородной земли. У них даже неплохой конный двор и молочная ферма имеются. Таким образом, особо опасные понемногу превращаются в обособленное государство, не требующее помощи извне.

– Ну, хорошо, – кивнул Бурякин. – Уговорил. Действительно, надо хотя бы взглянуть, как живут последыши Третьего рейха.

– Там большинство наших, Юрий Михайлович, – поправил полковника подчинённый. – Говорят, есть даже настоящие уголовники.

– Постой-ка! – Юрий Михайлович даже остановился. – Послушай, ведь твой остров в официальных документах числится как зона особо опасных заключённых. Так? Почему же ты говоришь, что там есть «настоящие уголовники»?! Будто для острова это невидаль какая-то.

– Именно невидаль! – подтвердил майор. – Заключённые на острове – в основном выдающиеся российские умы. А во времена Второй мировой – и побеждённые братья попали, то есть немцы.

– Говоришь, у нас «в гостях» руководитель «Аненэрбе»? – хмыкнул Юрий Михайлович. – Чем же этот институт так насолил нашему правительству?

– Товарищ полковник! – укоризненно покачал головой майор. – Ни для кого не тайна, что большевики с семнадцатого года всегда и везде желали быть первыми. А кто с нами хоть в чём-то был не согласен – явный кандидат в жители этого острова. Не помню, в каком труде, но когда-то Владимир Ильич процитировал Евангелие: «Кто не с нами, тот против нас!».

– Ты, майор, эту книгу давно не читал, – перебил Бурякин. – Но можно действительно вспомнить, что сказано в Евангелии. Там всё наоборот. Христос говорил: «Кто не против нас, тот с нами». В «Благой вести» отсутствует всякий антагонизм и поиски стрелочников, то есть виновников. Вот в чём секрет энергии слова.

– Да, может быть, я ошибаюсь, – согласился Рукавицын. – Но официальным руководителем института «Аненэрбе» был вообще-то рейхсфюрер Гиммлер, только распоряжался и командовал всеми Рудольф Гесс. Именно по его настоянию фюрер разрешил поездку сотрудников института в Лхасу.

– Куда? – удивился полковник. – Это где-то в Гималаях, то есть на Тибете, чуть поближе к Индии?

– Точно так, – кивнул Рукавицын. – Учёные всех стран уверены, что в Лхасе есть вход в Шамбалу, посетив которую, обыкновенный человек может захватить власть над всем миром. Похоже, немцы, съездив в Гималаи, получили от лам точную информацию, где искать ещё один вход в это волшебное Зазеркалье. Вот почему фашисты откровенно рвались к Сталинграду.

– Полагаешь, в бывшем Царицыне спрятан вход в эту самую Шамбалу? – усмехнулся полковник. – Тогда наши чекисты давно бы уже туда проникли, не находишь? Потом, я сам был когда-то в Волгограде – так себе городишко. Хотя двери в параллельные миры могут обозначиться в самых неожиданных местах. Например, на Мамаевом кургане, который насквозь пропитан человеческой кровью. Если это принять во внимание, то «горячий снег» под городом на Волге становится понятен.

– Вход может быть и там, а может, чуть подальше Сталинграда, – пожал плечами Рукавицын. – Ведь Родина варяжского бога Одина Ариан-Вэджа, или Асгард, находится где-то между Астраханью и Ашхабадом. Только где – никто до сих пор не знает. Не угадать, какие тайны упрятала от нас история.

Услышав упоминание про Ариан-Вэджу, родину скандинавского бога Одина, о которой он и сам вспоминал по дороге сюда, Юрий Михайлович невольно вздрогнул и бросил косой взгляд на разоткровенничавшегося майора.

– Ладно, уговорил, – отчеканил полковник. – Поедем на моторке к твоим уважаемым уголовникам.

– Товарищ полковник, охрана на мотоботе за нами не успеет, – засомневался майор. – Не лучше ли вместе с ними?

– Не лучше, – отрезал Юрий Михайлович. – Охрана пускай своими делами занимается и отпущенные продукты туда доставляет. А мы с тобой без них обойдёмся. Или ты, как наш ядрёный Патриарх всея Руси, не выходишь на улицу без бронежилета и охраны?

– Я только за вас волнуюсь, – обиделся Рукавицын.

– Спасибо, если так, – смягчился Юрий Михайлович. – Но за меня бояться нечего. Сам говорил, что островные заключённые напрочь забыли, что такое агрессия. Зови моториста и поехали.

Майор на несколько минут оставил полковника наедине – отправился за мотористом и отдавал ценные указания охране. Меж тем Юрий Михайлович, прищурившись, разглядывал на ровной водной глади раздвоенный, как горб верблюда, хребет острова, состоявший из двух больших сопок. Отсюда не было видно ничего примечательного. Заметными были лишь оголённые склоны горбатого острова, хотя в некоторых местах зелёными пятнами пробивалась растительность. Вероятно, кроме кустарника, карликовых деревьев и травы там больше ничего не росло. Высоко в горах большие деревья не растут. Погибшие беглецы выдрали бревно из стропил, потому что настоящего леса на острове не было.

Надо сказать, что чахлая растительность в высокогорном Припамирье всё-таки водилась, а что не было деревьев, так это неудивительно. На всём Ваханском хребте не было ни одного сколько-нибудь высокого дерева. Зато вершины гор доходили до шести тысяч метров над уровнем моря.

– Товарищ полковник, – раздался сзади голос Рукавицына, – катер к отплытию готов.

Юрий Михайлович кивнул и молча пошёл за майором к уже стоявшему под парами металлическому скоростному катеру, будто кто-то доставил водоплавающую посудину на высокогорное озеро для организации спортивных гонок. Представив это, полковник даже усмехнулся, потому что гонки за жизнью по мёртвой воде создавали, по философским понятиям неприкрытый экзистенциализм, то есть существующая мёртвая вода исключала жизнь, а та, в свою очередь, не могла вместить в себя чужеродную субстанцию.

Философские размышления полковника прервал вопрос сидевшего рядом в лодке Рукавицына:

– Товарищ полковник, вот вы сказали, что Патриарх всея Руси в бронежилете ходит. Это правда?

– Почти, – кивнул полковник. – Во всяком случае, про Патриарха всегда в Советском Союзе говорят что-то не очень лестное. Особенно в самой Москве. Представляете?

– Не очень, – честно признался майор. – Я родом из Чирчика, пригорода Ташкента, и столичных дел не знаю.

– Всё очень просто, – объяснил полковник. – Вы про Хрущёва и Брежнева анекдоты, небось, сами меж своими иногда рассказываете, будто Генеральный Секретарь ЦК КПСС управляет государством только по заветам Ильича, дескать, «каждая кухарка отныне сможет управлять государством». Ведь так? Вот и я рассказал вам анекдот про Патриарха. Это всё равно, что селёдку с мёдом откусать. Не пробовали?

– Нет, – передёрнул плечами майор.

Видать, он тоже обладал образным восприятием и оказался немножечко покороблен, представив жирную просолённую селёдку, облитую толстым слоем мёда и поджаренную кухаркой, – Генеральным секретарём КПСС, облачённым в символические поварские одежды, – на медленном партийном огне.

– Сейчас в высших правительственных кругах начинается новая драка за власть, что может привести к развалу всей страны в целом. И тогда СССР автоматически превратится в колонию Соединённых Штатов, а все наши секретари городских райкомов и иже с ними будут исполнять роль околоточных чиновников, безропотно выполняющих указания хозяина, – куда вывозить сырьевые ресурсы, кому и сколько.

– Ну, товарищ полковник, это вы уже через край хватили! – недоверчиво улыбнулся майор. – Американцы высаживались у нас в Архангельске как интервенты в начале прошлого века. Но тогда было смутное время революции. А сейчас им Советский Союз явно не по зубам окажется.

– Будет просто прекрасно, если я ошибаюсь, – хмурясь, проворчал полковник. – Но здесь не Москва. Лучше расскажите мне, где искать этого Гесса? В каком бараке?

– А зачем я с вами поехал? – обиженно засопел Рукавицын. – Всё покажу: сами увидите, как они живут и заслуживают ли насильственного обезличивания и обезволивания.

– Так вы, майор, похоже, несмотря на запрет, уже бывали на острове, поскольку так подробно знаете всё о жите-бытье островитян? – прищурился Юрий Михайлович. – А как же Указ о необеспечении заключённых никакой информацией и запрещении вообще какого-либо общения?

– Как, как? – насупился майор. – Так вот! Так получилось! Сами увидите, что я вам рассказывать буду? Ведь говорят же: лучше один раз увидеть, чем сотню раз услышать.

– Ладно, увидим, – согласился полковник.

На этом их разговор прекратился, тем более что остров был уже близко и возле причала из понтонов виднелись люди.

Глава 2

Тюрьма Ландсберг считалась местом, откуда невозможно сбежать. Собственно, трудно найти на земле подобное заведение, где служащие утверждали бы обратное. Однако Ландсберг был историческим местом во всём видимом и невидимом пространстве близ Мюнхена. Стоит лишь вспомнить начало XIV века и начало года, когда весна взбудоражила Париж, а заодно и всю Европу сожжением на костре Жака де Малэ, магистра ордена тамплиеров. Ландсберг тогда был одной из опорных крепостей ордена «бедных рыцарей».

Сожжение гроссмейстера послужило кульминацией мировой битвы, особым моментом вечно сражающихся на земле сил. На несколько дней раньше разыгранного сожжения магистра Филипп IV Красивый, король Франции, разослал с негласного благословения Папы указ, в котором приказал лишить орден власти и влияния во всех доступных и недоступных местах одновременно. Но Ландсберг не оказался слишком доступным, и «бедные рыцари», как именовали себя тамплиеры, долго отбивались, чем немало досадили «победившему» противнику.

Когда же Ландсберг стал выполнять историческую роль тюрьмы, это ничуть не повлияло на его рейтинг. Наоборот, считалось, что если уж попал кто сюда – назад на свободу все пути обрезаны и восстановленными быть вряд ли могут. То есть каждый заключённый имел свои права и срок: одним продлевали пребывание в тюрьме за провинности, другим просто обещали обязательно освободить, но только завтра или же послезавтра. Главное – научись терпеливо ждать!

Собственно, это изобретение с продлением заключения на неизвестное время послужило примером для НКВД при организации и комплектации российских исправительных лагерей смерти. Более того, дурной пример обещания каких-либо привилегий и последующего невыполнения обязательств стал передаваться в партийной верхушке Советской России как символ и сущность власти по наследству.

А в немецкой тюремной крепости некоторых заключённых иногда всё-таки освобождали, но очень уж неохотно. Тюремное начальство пыталось не ударить лицом в грязь перед любимым правительством и с честью отстаивало звание самой образцовой тюрьмы на свете.

Профессор Мюнхенского университета Карл Хаусхофер прибыл сюда на свидание с одним из своих неординарных ассистентов. Томившегося здесь после известного Мюнхенского пивного путча Рудольфа Гесса следовало увидеть хотя бы для того, чтобы дать ему необходимые поведенческие указания и произвести разборку неправильно выполненных приказов. Более того, заключение Рудольфу Гессу помогал переносить сосед по камере Адольф Шикльгрубер. Этот молодой человек хотя и не дослужился за время минувшей войны ни до каких высших чинов и званий, но сумел обратить на себя внимание совсем другими чертами характера и поведения в обществе.

К тому же профессора удивил тот факт, что Рудольф Вернер Рихард Гесс после неудавшегося пивного путча сбежал в Австрию, но вскоре сам вернулся в Германию и добровольно сдался властям – по той простой причине, что его близкий друг Адольф Шикльгрубер находился в заключении в замке Ландсберг. Власти удовлетворили просьбу добровольно сдавшегося Гесса и посадили обоих молодых людей в одну камеру. Даже печатную машинку «Ремингтон» им выделили. Поэтому Карл Хаусхофер желал поближе познакомиться с необычным приятелем своего студента и ассистента.

Как-то в Вене профессор Хаусхофер решил прогуляться по городскому историческому музею, которым стал замок Харбург. По специальному указу городского правительства средневековый замок привели в надлежащий вид до мельчайших подробностей, так что посетители чувствовали себя попавшими в настоящую рыцарскую крепость. Даже служащие музея были одеты в праздничные одежды средневековых крестьян.

Неспешно обходя длинную дворцовую анфиладу комнат, профессор увидел возле «Копья Судьбы», размещённого в одном из залов, неподвижного молодого человека в солдатской форме, но без знаков различия. Было ясно, что за плечами у отставного гвардейца окопы Первой мировой. А что копьё Лонгина так заинтересовало солдатика, тут ничего удивительного нет. Ведь Лонгин числился когда-то лучшим копьеносцем в центурии Понтия Аквилы Пилата и именно этим копьём был заколот Сын Человеческий на Голгофе по истечении девятого часа распятия. И до сих пор идут философские споры: действительно ли умер

Распятый после нанесённой раны?

Оружие недаром получило имя «Копьё Судьбы», ведь оно отняло жизнь Бога, то есть человеческую жизнь Сына Божьего. Недаром Фридрих Ницше после этого безапелляционно утверждал, что Бог умер! Осталась лишь его сила! А отнявший силу владеет ею, пусть даже это не живой человек, а предмет в виде копья. Но этот предмет одним своим существованием может дать владельцу могущество и власть над миром, которого так добиваются во всех странах на протяжении всех обозримых времён истории человеческого общества.

Профессор с интересом заглянул в глаза молодому человеку и увидел в них явный отголосок будущего, тем более что сам солдат чувствовал и осязал это будущее до мельчайших подробностей, но разобраться в видениях пока не мог.

«Лицо его покраснело, глаза сверкали странным светом. Он раскачивался на ногах, охваченный несказанной эйфорией. Само пространство вокруг него, казалось, проникнуто тонким свечением. Лицо его преобразилось, будто какой-то всемогущий дух внезапно вселился в его душу, создавая в нём и вокруг него губительную трансформацию своей собственной природы».[5 - Воспоминания профессора Карла Хаусхофера о встрече с Гитлером в Венском музее.]

Вероятно, просто боялся видений, преследовавших его. Да уж, не сразу Москва... ох, нет. Не сразу Берлин строился. А практика завоевания власти у молодого солдата была за плечами и практика немалая, иначе он не пялился бы просто так, от нечего делать, на копьё Лонгина.

– Вы знаете, что это за оружие? – как бы случайно поинтересовался профессор. – Вы так долго его рассматриваете, что меня оно тоже заинтересовало.

– Да, знаю, – твёрдо кивнул отставник. – Я смотрю на копьё Зигфрида. Именно оно принесёт победу своему владельцу!

Карл Хаусхофер вспомнил об этой немногословной встрече в одном из залов музея, потому что сейчас ему предстояло увидеть мечтавшего тогда о победе воина. Пути судьбы неисповедимы и она снова благосклонно свела двух представителей разных слоёв общества.

А ничего в этом мире просто так не случается. Если судьбе угодно было прослыть сводницей, то в этом есть свой сакраментальный смысл, а может быть, и будущее страны, и будущая история. Ведь так всегда и происходит в этом несложном и хаотическом мире.

Профессор покинул Опель-адмирал, услужливо открытый Германом Фиртом, ещё одним ассистентом, приехавшим вместе с профессором. Но, в отличие от Рудольфа Гесса, Фирт старался во всём подражать Хаусхоферу. В этот раз он был одет в такой же коричневый двубортный костюм в полоску, представительскую фетровую тёмно-шоколадную шляпу с глубокой тульёй и широкими полями. Правда, для полного подражания ассистенту не хватало массивного кожаного портфеля с двумя замками, с которым Хаусхофер никогда не расставался, но это была уже излишняя мелочь.

В приёмной для посетителей их встретил сам заместитель начальника тюрьмы и после взаимных приветствий сообщил, что заключённые доставлены в отдельный кабинет для допросов и что профессор имеет право посещать их в любое подходящее для него время. Дирекция тюрьмы относится благосклонно к посещениям таких уважаемых личностей. Эта новость обрадовала Хаусхофера, потому как он полагал плотно поработать с попавшими под арест молодыми людьми.

Массивные железные двери неприветливо лязгнули перед ним, обнажив вход в человекохранилище. Помещение действительно выглядело слишком уж казённым – с отвратительными стенами, вымазанными в жёлто-зелёный «хаки», с прикрученным к полу металлическим столом, стоявшим в центре, и такими же неуклюжими табуретами. Оба заключённых уже поджидали посетителя, хотя вряд ли догадывались, кто их побеспокоил своим визитом.

Дверь утробно лязгнула, и оба заключённых тут же вскочили и приветствовали вошедшего вытянутыми вперёд и чуточку вверх правыми руками с возгласом: «Хайль!». Эта руна «Хагаль», или попросту «Хайль», стала одной из основных в диссидентском движении коричневых рубашек.

Профессор отметил, что молодые заключённые даже в не предвещавших ничего хорошего условиях следили за собой и брились по утрам, то есть соблюдали необсуждаемую армейскую дисциплину. А это значило многое: сломанный человек ни на что уже не годился, как только стать подопытным кроликом для лабораторий. Правда, этим арестантам тоже предстояло исполнить роль

подопытных, но несколько иного плана. Хаусхофер подошёл к ним, посмотрел, не мигая, в глаза каждому и удовлетворённо кивнул.

Рудольф Гесс был одет в вельветовую куртку на металлической молнии. Эта застёжка, недавно вошедшая в моду, сразу же стала очень востребованной в различных слоях общества, а для арестованного какой-нибудь «тюремный халат» с застёжкой-молнией – просто модельный шик! Адольф Шикльгрубер выглядел несколько похуже своего сокамерника, поскольку не сменил ещё или же просто не успел сменить потёртое солдатское обмундирование на приличную гражданскую одежду. Скорее всего, молодого человека замучили банальные финансовые затруднения. Это тоже заслуживало особого внимания.

– Как чувствуете себя? Как настроение? – протокольное осведомление о здоровье было для Хаусхофера обычным жизненным ритуалом. – Есть ли какие-нибудь срочные пожелания? Жалобы на содержание?

– Нет, ничего. Спасибо, – постарался бодро ответить Гесс. – Судя по вашему приезду, всякие дальнейшие неурядицы будут легко устранимы. А наши заявления в теперешнем положении могут только отрицательно повлиять на окончательное решение проблемы.

– Кстати, – вскинул на него взгляд Хаусхофер. – Кстати, что это за приветствие «Хайль», которым вы меня встретили?

– Это мы недавно придумали, – объяснил Гесс. – Любой символ – это отражение потустороннего мира, то есть Зазеркалья. Новая национал-социалистическая партия должна иметь свой символический статус, иначе все наши старания могут сойти к нулю. К тому же так звучит одна из древних рун, которая говорит о разрушении старого и возникновении нового. Именно такой мы видим будущую Германию. Но лучше в этом вопросе мы прислушаемся к вашему совету. Во всяком случае, меня это ещё ни разу не подводило.

– Возможно, вы и правы, Рудольф, – профессор потёр кончиками пальцев виски. – Я намерен провести с вами несколько предварительных бесед. Здесь нам никто не помешает, меня это место устраивает, а вам придётся несколько потерпеть. Ну и время сейчас играет нам на руку. Вот вы, – обратился он ко второму заключённому. – Вы помните меня?

– Да, господин профессор, – кивнул тот. – Вы подошли ко мне в замке Харбург возле копья Лонгина. Мне показалось, что мой ответ вам понравился, именно поэтому я вас и запомнил.

– Точно. Именно так, – кивнул Хаусхофер. – Иначе бы вы не были сейчас здесь, на свидании со мной. Но ближе к делу, господа. Вам обоим доподлинно известно, что история человечества – удивительная вещь. Она предстаёт перед человеком фундаментом своего прошлого: вот жизнь этой планеты, вот что на ней случилось и будет случаться, вот кому всегда поклонялись и будут поклоняться. Значит, тебе, человек, решать – нужна ли жизнь вообще? Каждый человек решает эту проблему только сам. И главное решение – за тобой, человек! Что на этой планете должно свершиться, то обязательно свершится, хочешь ты этого или не хочешь. Если же хочешь, то будущее прислушается к тебе. Ведь оно во всей своей неизменности подобно глине, из которой можно вылепить всё, что хорошо для будущего и для настоящего. Я доходчиво выражаюсь?

Оба молодых человека кивнули, а Рудольф достал даже из кармана вельветовой курточки карандаш, блокнот и внёс в него какие-то записи. Возможно, конспект лекций Карла Хаусхофера был для него жизненно необходим, ведь человеку чуть ли не каждый день приходится решать важные проблемы, поэтому нужная подсказка в нужный момент никогда не помешает.

– Так вот, – продолжил лектор. – Человек встаёт перед проблемой поклонения. Поклонись и получишь власть, ибо ты сможешь управлять энергией власти, энергией денег, энергией жизни, энергией информации, которая передаётся из поколения в поколение в человеческой крови. Это настоящая религия человечества. Единая! Делай же историю религии, человек! В начале своего возникновения любая религия живёт и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры приходит толкование, вместо праведной жизни – обряды, и всё кончается существованием стандартных девизов, борющихся меж собой за чистую, праведную, почётную жизнь. То есть жизнь превращается в догму. В мире, где мы живём, существует только тьма, которую необходимо лепить, обновлять и обустроивать. И закон, по которому ты преподнесёшь для других религию и догму этой религии, будет для всех один, потому что никто ещё не нашёл закона, соединяющего духовный, физический и мистический миры. Да, мост меж ними есть, вы не ослышались! Да, он более чем реален, понятен и существен! Но откуда этот мост, как по нему ходить, куда попадёшь и попадёшь ли куда – не знает никто. Кстати, пути прохождения по мосту во все три параллельных пространства усиленно ищет Эрнст Рэм.[6 - Рэм

Эрнст – соперник Гитлера на лидерство в национал-социалистической партии Германии.] Вы знаете, кто это? Знаете. Вот и хорошо. Только ещё, вероятно, не слышали, что недавно он совершил марш-бросок со своими штурмовиками в Дорнах – одном из городов на границе Швейцарии. А об этой вылазке знать необходимо. Никогда нельзя оставлять без внимания своего будущего противника, даже если поначалу он кажется совсем безобидным, дружелюбным, даже будущим коллегой по партии. В нашей национал-социалистической партии коллегами могут быть только те, кто за нас с первых шагов, но никак не те, кто стремится своими выходками либо обезличить партию, либо отсечь возможное количество потенциальных претендентов на будущее лидерство. Укус со стороны Эрнста Рэма всегда будет неожиданным и жестоким. Так что лучше заранее обрубить ему возможные пути нападения, иначе все пути к победе будут захвачены другим. Запомните это.

– Мы не боимся схватки! – поднял голову Гесс. – Во время Первой мировой я получил три ранения, но это отнюдь не мешает мне отстаивать свои убеждения.

– Хватка у Рэма есть. Есть и стремление к власти, – отметил Хаусхофер. – Только он слаб духом, пониманием мистического мира и умом, а поэтому никогда не сможет стать лидером, хотя рвётся к этому с беспредельным желанием. Но и Рудольф Штайнер[7 - Штайнер Рудольф – немецкий философ национал-социализма.] тоже был не слишком большой утратой для нас. Он профессор и неплохой лектор, а всё же нам с ним не по пути. Кстати, у меня с собой есть кое-какие философские выписки. Я вам сейчас прочту.

Пока профессор рылся в портфеле, молодые люди переглянулись. Ведь не каждый день и не к каждому приезжает учитель, да ещё такой непростой. Значит, для чего-то ты ещё нужен и должен сделать этот мир таким, как надо, или таким, каким ему быть надлежит по решению сильных людей государства, властителей мира сего.

Карл Хаусхофер вынул из портфеля папку бумаг, перелистал и вытащил нужную:

– «Магия есть господство над миром через познание необходимости и закономерности таинственных сил мира. Свободы духа я не видел у людей, увлечённых оккультизмом. Они не владели оккультными силами – оккультная сила владела ими... Редко кто производил на меня впечатление столь неприятное, как Штайнер. Ни одного луча, падающего сверху. Всё хотел он добыть снизу, страстным усилием прорваться к духовному миру».[8 - Н. А.

Бердяев.] Это высказывание одного русского философа.

– Мне кажется, – подал голос Шикльгруббер, – что нельзя без внимания оставлять российские умы и восточную науку практической магии. Желательно переманивать всех на свою сторону.

– Из истории нам известно, что когда-то могучий, но доверчивый бог Тор схватился со змеем Ёрмургандом, – профессор отложил рукопись, принявшись вспоминать мистическую историю. – Тор размозжил голову змея ударом молота. Только это не было победой. В битве, как и в любой войне, никогда не бывает победителя. Тор после сражения сам сумел сделать только несколько шагов, упал и тут же умер от ядовитых укусов змея. Но из хеля[9 - Царство мёртвых в немецком эпосе.] за всем происходящим внимательно следили, потому и не дали так просто умереть Ёрмурганду. Из его крови родились потом нибелунги – наши предки... Роду избранных дано многое, но и спросится многое. Некоторые считают, что там, где есть Благодать избранных, нет места для страдания и страсти, как не бывает ночи без дня и наоборот. Но каждый ариец вынужден с детства жить страданиями. Если он родился для того, чтобы умереть, – нужна ли ему жизнь? нужна ли ему избранность? Он давал согласие Богу на смерть и только тогда смог овладеть жизнью на какое-то время. Значит, для любого человека смерть является чистой благодатью. А жизнь, отданная за победу отечества над окружающим миром, – истинная слава Бога. Именно её человек и не ищет! Зачем, когда есть жизнь?! А не мешало бы призадуматься, потому что нельзя жить по вселенскому правилу, предписанному Всевышним. Нельзя замыкаться только на Заповедях, данных Господом, ибо человек ежедневно, ежеминутно, ежесекундно нарушает Божественные правила, рискуя всю жизнь потратить на покаяние и исправление своих проделок либо на творчество чего-то нового, что поможет разом исправить все неблагополучные дела. Победителей не судят! – вот в чём выигрыш победителя. Значит, необходимо постоянно оценивать наши возможности. Тогда что же реально нам остаётся? Либо принять аксиому: не согрешу – не покаюсь, ибо Господь – на то и Господь, чтобы всё простить, либо не то делаю, что хочу, а что не хочу, то делаю. И любой человек считает, что если поступает с ближним не слишком плохо – это воистину хорошо. Редко кто из людей задаёт себе неординарный вопрос: а нужна ли человеку истина? И вообще, что она такое?

– Но ведь истина состоит в том, что мы существуем?! – немного робея, спросил Шикльгруббер.

– Молодец! – обрадовался заинтересованности аудитории профессор. – Истина обязательно нужна, даже та, что мы всё-таки существуем! Да, она нужна! Но не всем и не каждому. Запомните это! Истина нужна только избранным, потому что остальные никогда не поймут, что же с ней делать и зачем она вообще. Некоторые называют это Абсурдом или же Хаосом. А что это такое, вы задавали когда-нибудь себе вопрос?

– Хаос, – снова подал голос осмелевший Адольф Шикльгруббер. – Хаос – это живая настоящая энергия, это великая несказанная сила и реальная помощь для ещё живущих. Это мощнейшие потоки космической энергии, сметающие всё живое либо воскрешающие даже то, что уже отмерло и стало отбросом. Всё это до мельчайших подробностей я чувствовал там, у копья Лонгина в Харбурге, когда вы подошли ко мне.

– Кстати, – вставил Рудольф Гесс. – Мы сейчас не теряем время попусту, и эта мысль о Хаосе должна войти в книгу Адольфа «Майн кампф», над которой мы трудимся.

– Правильно! – обрадовался профессор. – Но противоположное Хаосу – это, как ни странно, Порядок, который следует писать всегда с большой буквы. И это следующий вопрос, ведь рамки и полочки Порядка сконструировали сами люди. Затем пожали друг другу руки – вот мы какие хорошие! – и принялись считать, что Порядок – это жизненный Закон, правило цивилизации, прогресса и остального прочего. Но истина Порядка в том, что он создан действительно только для стада слушающих Проповедника! Каждый из нас должен быть Проповедником или тем же Екклесиастом, [10 - Екклесиаст (др. евр.) – проповедник.] если хотите! Теперь посмотрим, что составляет ваш Порядок на сегодняшний день? Для большинства – это дом, работа, гастроном. Сакраментальный треугольник безысходности. Не слишком ли дорогая плата за жизнь? Ведь вы же сами не терпите, когда слышите от евреев, торгашей, мол, какие вы арийцы? Вы погань пьяная! Чем же вам такое отношение не понравилось и вы устроили пивной путч?! Чем вам не нравится закон? Ведь все сколоченные людьми полки сознания и есть Порядок, то есть Закон. Может быть, Закон и нужен кому-то. Право слово, человек иногда просто теряется без кнута и пряника. Не знает, что делать, как жить, по какому пути можно и должно идти, а по какому нет. Поэтому человека необходимо вовремя направлять и указывать нужную полку, на которой лежит именно тот кусок долгожданного хлеба, за которым люди охотятся всю сознательную жизнь. Вы должны стать поводырями и указывать путь всем и каждому к полке с долгожданной едой! А вот Хаос –

Вечный Хаос – это нечто другое. Это изобретение Всевышнего, если хотите! Человеку здесь дано разобраться самому: что можно, а что нельзя в этом мире. Для того он и послан сюда, чтобы научиться быть Творцом по образу и подобию Божию.

Хаусхофер прервался на секунду, достал из портфеля термос, три картонных стаканчика, разлил кофе.

– Угощайтесь, господа, – галантно пригласил профессор своих слушателей. – Клянусь, это не эрзац.

Молодые люди потянулись к стаканчикам, носами чуя, что это действительно не эрзац. Пара глотков настоящего кофе сказала на всех троих. Глаза их загорелись, что говорило о готовности к борьбе за великое будущее. Профессор всегда умел разжигать студентов и увлекать своими идеями. Его всегда внимательно слушали любые аудитории, потому что только внутренним огнём жив человек, а если этого нет, то всё напрасно.

– Вы, вероятно, понять не можете: почему профессор приехал лекции читать, тем более здесь, в тюрьме? – усмехнулся Хаусхофер. – Ведь так? Совсем недавно братство розенкрейцеров открыто заявило, что сейчас во многих странах стали появляться пророчествующие безумцы. Многие из них выдают себя за потомков Нострадамуса и претендуют на пророчество будущего Германии. Да, да, ни больше, ни меньше. Представляете?

– Если не секрет, в чём выражаются эти пророчества? – подал голос Рудольф Гесс. – Вы знаете, шеф, что я всегда с определённым вниманием относился к таким полубезумным оракулам, но, к сожалению, до сих пор не знаю догматов, провозглашаемых Нострадамусом. Кто он?

– О, никаких секретов! – улыбнулся профессор. – Известный французский Екклесиаст, при жизни его звали Мишель Нострадамус. Он скончался 2 июля 1566 года и похоронен в церкви францисканского монастыря. Но весь разумный мир был потрясён вестью о последнем предсказании пророка. Оказывается, тело проповедника эксгумировали и нашли в гробу рядом с телом металлическую пластину, на которой стояла точная дата эксгумации и было дописано несколько сопутствующих слов. Я знал, что вы, Рудольф, этим заинтересуетесь, и прихватил с собой «Столетия», ту самую книгу Нострадамуса, вокруг которой до

сих пор идут бесконечные споры. Кстати, заметьте, что эта книга по числу своих переизданий уступает только Библии.

Хаусхофер привычно полез в бездонный портфель и вытянул старинный фолиант внушительных размеров. Книга явно относилась к раритетным изданиям, и оба заключённых, удостоившихся свидания, натурально разинули рты от удивления. Хотя для Гесса выходки шефа не являлись новшеством, однако и ему пришлось удивиться. Тем более что Хаусхофер именно с этого момента был осуждён Фемидой на участие в будущей биографии юношей.

– Так вот, – как ни в чём не бывало промолвил профессор. – Я даже заранее отметил кое-какие пророчества Нострадамуса, относящиеся непосредственно к нашему государству и к одному из наших соседей.

– Любому из наших географических соседей необходим кайзер, – вставил Гесс. – Потому как ни одна страна не сравнится с Германией!

– Похвально, похвально, – кивнул Хаусхофер. – Но предсказание касается пока ещё дружественной нам страны, России.

– Насколько эта дружба опасна? – попытался уточнить Шикльгрубер.

– Насколько? – хмыкнул профессор. – Судите сами. Вот один из катренов, отмеченных мною:

Чтобы поддержать потрясённую великую ризу,

Для очищения этого красные маршируют.

Семья будет почти уничтожена смертью.

Красно-красные истребят красных.

Кровь невинных вдов и девиц.

Так много зла совершено великим Красным.

Святые образа погружены в горящий воск.

Все поражены ужасом, никто не двинется с места.

Это уже произошло в России и отнюдь не без участия Германии. Вы оба, надеюсь, знаете историю, но дело не в этом. Здесь хватает многообещающих предсказаний, относящихся не просто к успехам нашей родины на разных поприщах, а к действительному величию Германии во всех частях подлунного мира. Предсказание – отнюдь не гадание на кофейной гуще, а будущая реальность! И реальность указанного действия – это «красно-красные истребят красных». Надо только помочь этим красным отыскать врага, притаившегося за углом, за кустом, в соседней квартире. Но вся проблема состоит в том, что участие Востока в наших победах вполне возможно, хотя и нежелательно. Германия никогда не нуждалась в союзниках, тем более неблагонадёжных. Я думаю, что нам следует опасаться соседей с Востока. Об этом гласит катрен II, 29 из той же книги:

Восточный человек покинет своё местопребывание,
Перейдёт Аппенинские горы, чтобы увидеть Галлию.
Пронзит небо, воды и снег
И каждого поразит своим жезлом.

Хаусхофер на секунду замолчал, и в камере повисла гнетущая тишина, поскольку оба слушателя были поражены услышанным.

– Что примолкли, арестанты? – весело спросил профессор. – В предсказаниях надо искать не печальный конец, а подсказку, как победить, обойти то, что может произойти. Надо сделать, чтобы это что-то никогда не произошло! Я доходчиво выражаюсь?

Оба слушателя усердно закивали головами. Неожиданные речи профессора настроили молодых людей на серьёзные размышления о судьбе Германии. Смогут ли они принять участие в становлении своей страны? За благополучную судьбу родины в каждой стране любой юноша отдаст многое, а потомственный ариец и подавно.

Профессор встал, молча прошёлся по не слишком широкому помещению камеры свиданий, заложив руки за спину. Потом снова взглянул на слушавших его арестантов. Оба сидели, не говоря ни слова, так как прекрасно понимали, что приезд профессора не ограничится одной только лекцией на важные, но всё-таки далёкие темы.

– Так вот, – продолжил Хаусхофер. – Всё мыслящее общество охвачено сейчас предсказаниями оракулов. Именно в хаосе и народился призрак. Фактически рождение этого призрака вселило надежду на всемирное преобразование, вызвало явления смехотворные, абсурдные и даже невероятные. Призрак, таким образом, легально бродит по Европе, а мы должны, просто обязаны заставить его работать на нас. Иначе для чего нужны мы в этом мире? Но создание Новой империи, на пороге которой мы стоим, невозможно без религии. Я не боюсь этого слова и повторяю, что настоящая религия человечества – Единая! Именно она должна сейчас властвовать над людьми всех кругов общества и поколений. Создание новой религии породит новые умы, и мышление человечества изменится. Ещё в середине прошлого века Теодор Хаген[11 - Хаген Теодор – немецкий археолог, исследователь инфернального мира.] ездил на Ближний Восток и в Россию в поисках эзотерических знаний, на основе которых возможно построить любую власть. Тогда он привёз из экспедиции огромное количество манускриптов, в которых упоминается не только Лхаса, но ещё и Аркаим – древний город, находившийся в России, на Южном Урале.

– Поэтому вы упомянули предсказание Нострадамуса о России? – поинтересовался Рудольф Гесс. – Если там имеется ключ к мировым тайнам, то ясно, что миром будет обладать нашедший этот ключ.

– Меня всегда поражала ваша сообразительность, Рудольф, – обрадовался Хаусхофер. – Именно в России мы сможем найти то, что надо, что ищут многие и не находят. Но никогда нельзя упускать и другие возможности овладения властью. В Лхасу сейчас готовится экспедиция, а вот как проникнуть в исторический город России, пока не ясно. Тем более что необходимы будут небывалые археологические разработки, которые сразу же привлекут внимание мировой общественности. Русские по доброй воле могут не согласиться на исследование нами этих мест, тогда придётся действовать по-другому. Потому что именно в этих точках можно найти крупницы утерянной власти над планетой, утерянного рая, если хотите. Документы, привезённые Теодором Хагеном, сейчас хранятся в архиве бенедектинского монастыря в Ламбах. Предстоит много работы...

– Я видел эти документы, – голос Шикльгрубера стал хриплым от волнения. – Я был Австрии, в этом бенедектинском монастыре.

– Вы? – профессор удивлённо поднял брови. – Вы видели эти документы?

– Да, – кивнул Шикльгрубер. – Я пел в ламбахском церковном хоре. И один предмет, вывезенный с Востока, ещё тогда поразил моё воображение. Это барельеф Тетраскеле – античное изображение свастики – древнего языческого символа, обозначающего кругообразное вращение мира сущих.

– Фантастика! – обрадовался профессор. – Воистину неисповедимы пути Господни! Что же вы молчали?

Профессор от избытка чувств обогнул стол и подошёл к бывшему церковному певчему. Тот вскочил со стула, но Хаусхофер удержал его от объяснений мановением руки. Может быть, арестант не мог подробно рассказать об античном происхождении свастики, а может, профессору просто было удобней гулять меж учеников, читая лекцию, поэтому Гесс посчитал нужным тоже подняться со стула.

– Так вот, Адольф...

– Шикльгрубер, – отвесил тот армейский поклон.

– Хм, да, – профессор задумчиво почесал себя за ухом. – В общем-то, ничего, сойти может, но не мешало бы какое-то звучное прозвище, то есть псевдоним, а то от вашей фамилии, простите, очень уж шекелями пахнет.

– Есть у него другая фамилия, – вмешался Рудольф Гесс. – Ещё со времён войны его зовут Гитлером.

– Гитлер... Гитлер... Вот это уже получше! – одобрил Хаусхофер. – Откуда такая фамилия?

– Я долго был художником, господин профессор, – объяснил Адольф. – И благозвучная фамилия возникла при помощи моих друзей, тоже обитателей современной богемы, тем более что один из моих родственников носил эту фамилию. Так что ничего не придумано.

– Фамилия действительно неплоха, – опять подал голос Рудольф. – Между прочим, шеф, ваш новый знакомый хоть и арестант, но художник всё-таки неплохой. Рекомендую.

– Вот как? – удивился профессор. – От хорошего никогда нельзя отказываться. Я дам указание, чтобы все ваши документы переписали на эту фамилию. Вы не против, молодой человек?

– Никак нет! – снова по-армейски поклонился Адольф, только каблуками почему-то не щёлкнул.

– И ещё, – добавил Гесс. – В нашей партии, я думаю, ему для общей значимости подойдёт звание фюрер, то есть вождь!

– Вот и хорошо, – удовлетворённо кивнул профессор. – Дело в том, что у нас сейчас создаётся общество паранормальных явлений «Аненэрбе», и одним из ведущих директоров там будет приехавший со мной Герман Фирт. Он сейчас за дверью дожидается. Так вот. Нам нужна обязательная поездка в Лхасу, ибо только в Шамбале хранятся ключи от власти, к которым подбираются многие. И ещё один прыжок для овладения миром – это российский город Аркаим. О нём знают пока немногие. Экспедицию в Шамбалу возглавит Фирт.[12 - Фирт – работник института «Аненэрбе».] Он ещё об этом не знает, но когда откусает власти, то никто и ничто его больше не остановит.

– А мы? Мы должны сопровождать будущего директора «Аненэрбе» в скитаниях по Тибету? – поинтересовался Гесс. – Как кураторы его дел, которые в случае невыполнения...

– О, нет. Далеко нет, – улыбнулся профессор. – Вам, мой юный друг, вместе с господином Гитлером предстоит прослушать несколько моих лекций. Пока Закон против вас, но ничто не потеряно. Напротив, время не должно пропадать впустую. То мистическое знание, с которым вам придётся близко познакомиться, те мистерии, которые необходимо будет пройти для приобщения к избранным, всё это пригодится и будет необходимо на каждом шагу в будущем, потому что поможет решать самые сложные вопросы.

– Мы тоже будем сотрудниками «Аненэрбе»? – видимо, Рудольфу необходимо было выяснить, какую роль ему предстоит играть в будущем и стоит ли соглашаться с предложением шефа.

– Запомните, молодые люди, кем бы вы ни стали в дальнейшем, должны ясно понимать, что существует всё, что названо. Заключив в себе мир, человек

становится творцом универсума. Это заповеди Вотана,[13 - Вотан – сакральный арийский демон.] и, придерживаясь их, личность сможет придерживать мир, где нужно и сколько нужно. Запомните, что вы – отнюдь не удовольствие для кого-то другого или же для самого себя; вы – не деньги, правящие этим миром; вы – центр поющего и танцующего вокруг мира. Это понятно?

– Конечно, – согласились молодые люди, а Гитлер ещё и добавил: – Со времён Калигулы в мире жива фраза: «Vulgus vult decipi».[14 - Народ хочет быть обманутым (лат.).]

– «Ergo decipiatur», [15 - Так будем обманывать (лат.).] – хором подхватили профессор и его ассистент.

– Мы разработаем интереснейшую тему, господа, – продолжал Гитлер. – Идеал всеобщего образования давно устарел. Только когда знание снова приобретёт характер тайного учения и перестанет быть общедоступным, оно вновь получит ту функцию, которую должно нести, то есть станет средством господства над людьми и природой. Таким образом, мы вновь приходим к необходимости воссоздать кровную европейскую аристократию.[16 - Гитлер, «Майн кампф».]

Пока сокамерник Гесса произносил эту короткую речь, глаза его блестели, артикуляция губ стала жёсткой, и излишним оказались короткие взмахи руками. Что и говорить, речь получилась небольшая, но внушительная. Сейчас большой речи и не требовалось, потому что Хаусхофер выразил своё восхищение аплодисментами, подхваченными и Рудольфом Гессом.

– Вы, молодой человек, – торжественно произнёс профессор, – подтвердили мою уверенность в вас как в исполнителе и носителе наших идей. А ведь на это способен далеко не каждый. Я рад, что интуиция снова не подвела меня. И это хороший знак!

Глава 3

Рудольф Вернер Рихард Гесс, девяностолетний худощавый старик, рейхсминистр без портфеля, сидел в оригинальном деревянном кресле, стоявшем посреди

небольшой комнаты, окна из которой выходили на сколоченную из толстых досок веранду. В нескольких десятках метров от здания на обрывистом берегу острова был виден причал и подруливавший к нему катер пограничников. Но вовсе не туда смотрел сейчас хозяин комнаты. Он в который раз перечитывал висевший на стене догмат: «Заклѳючѳнный обязуется повиноваться всем приказам надзирателя без колебания, даже если он считает их глупыми. Он должен встать при входе офицера в камеру и снять шапку. Раз в два месяца он имеет право на пятнадцатиминутную встречу с родственниками. За нарушение режима положены наказания: круглосуточный яркий свет в камере либо полное отключение света на несколько суток, лишение прогулок и одежды, надевание наручников, замена постели на более жѳсткую, в качестве питания – хлеб и вода».

Старательный стук дизеля на моторке разносился по всему острову, так что не заметить прибытия представителей охраны было довольно трудно. Тем не менее, никто из островитян не побежал встречать гостей – с этим справлялись дежурные на причале.

Рудольф Гесс по-старчески пожевал губами и усмехнулся:

– Никак, начальство явилось устанавливать особо строгие наказания на особо строгом режиме.

Потом он всё-таки обернулся в сторону причала, где несколько островитян встречало войсковых офицеров, пожаловавших с визитом в зону особого режима. Гесс поднялся с кресла и твѳрдым шагом вышел на веранду. По внешнему виду пожилому мужчине никак нельзя было дать больше шестидесяти. Казалось, ни раны, полученные им ещё на полях Первой мировой, ни лондонский Тауэр, ни советская зона особо строгого режима не повлияли разрушающе на его уже немолодой организм. Выглядел он на первый взгляд довольно прилично, то есть фигура была стройной и подтянутой, как у новобранца, во взгляде глубоко посаженных глаз сквозило живое пламя внутренней энергии человека, голос пока ещё не думал подводить. Вот только высказывание мыслей вслух, глубокие залысины на голове и морщинистое лицо свидетельствовали о неумолимо надвигающейся старости.

Собственно, старость для человека номер два Третьего рейха уже перестала существовать. То ли различные тюремные застенки в течение более сорока лет, то ли мѳртвая вода озера и здешний воздух высокогорья оживляли человеческое

тело, но Рудольф Гесс пока ни на общее здоровье, ни на досадные недомогания ни разу не жаловался. Твёрдым шагом он сошёл по деревянным ступеням с веранды и отправился навстречу прибывшим.

Два офицера в сопровождении рядового, у которого на груди висел автомат, швартовались у причала. Странно, пожаловало действительно высокое местное начальство, а в сопровождающих только один рядовой. Значит, приехали выяснять, что случилось с беглецами и заодно познакомиться.

Первым на причал спрыгнул рядовой моторист и помог дежурным закрепить канат, удерживающий лодку, на кнехте. Затем на поплавок выбрался майор, начальник батальона охраны. Последним ступил на остров высокий полковник в надвинутой на глаза фуражке. Но высокого полковника Гесс действительно никогда не видел, а тот, что пониже ростом, майор Рукавицын, не раз интересовался жизнью заключённых на острове. Даже помогал обустроить хозяйство. Что ни говори, а никакая война не даст человеку понимание жизни, которое приходит только при живом общении с населяющими планету существами.

Майор, кажется, интуитивно чувствовал, что мистическое существование рейхсминистра на острове связано с чем-то большим, чем обыкновенное заключение за какие-то провинности. Тем более раз сам Сталин собирался навестить сюда и явно отнюдь не для простого знакомства. Вот только слишком долго собирался, поэтому давно уже отчитывается за свои дела в другом мире. Трусоват был Иосиф Виссарионович, ну да с этим ничего не поделаешь. Такие болезни неизлечимы.

Пройдя ровно половину пути по базальтовому обрыву, Гесс остановился и стал поджидать шагавших навстречу офицеров. В бараке, выстроенном на краю обрыва, рейхсминистр жил исключительно с военнопленными немцами, уцелевшими от гибели во Второй мировой, заработавшими пожизненное заключение на острове за какие-то необыкновенные преступления. Хотя нет, был среди барачных один русский. Вернее, немец, родившийся в России, но именно он был примечателен тем, что даже находясь в заключении, не переставал писать стихи и сочинять занимательные романы. Что ж, настоящий талант нельзя посадить за решётку и насильно заставить не писать.

В остальных пяти бараках отбывали пожизненный срок тоже непростые заключённые – граждане Советского Союза. Никого из них нельзя было назвать

просто уголовным отморожком.

Пожизненными островитянами были изобретатели, даже философы разных стран, попавшие когда-то в руки генералиссимуса Сталина. И они безропотно доживали свой век здесь, на острове, меж двух безлюдных сопок, на которых, кроме кустарника, густой травы и не слишком высоких деревьев, ничего не росло. Но травы и кустиков хватало для пропитания кроликам, овцам и лошадям, которых жители острова пытались разводить в неограниченных количествах. А кролики часто обгладывали стволы карликовых деревьев, росших на острове, – это было одним из любимых занятий вислоухих.

Всё-таки надо сказать большое спасибо командованию КГБ или их непосредственным подчинённым за то, что позволяли пожизненным заключённым поднимать островное хозяйство и работать в специально построенных для этого лабораториях.

А сам майор Рукавицын был когда-то поражён тем, что островитяне из старого лодочного дизеля сумели сконструировать собственную электростанцию и теперь все шесть барачных корпусов снабжались энергией. Вот только солжарку заключённым приходилось выпрашивать на Большой земле, но кто их знает, островитян. Недаром они меж сопки принялись рыть какую-то шахту. Может, для создания ещё чего-нибудь удивительного?

– Кстати, надо бы наведаться в эту шахту, а то проруют туннель до Америки, – пробормотал Рукавицын.

– Что? – не понял Бурякин. – Какой туннель?

– Да это я так, товарищ полковник, – принялся отнекиваться майор. – Не обращайтесь внимания. Это я мыслю вслух иногда.

– Ну-ну, – кивнул Юрий Михайлович и замолчал, поскольку они подошли уже к поджидавшему их старцу.

– Здравия желаю! – козырнули офицеры.

– Имею честь! – рейхсминистр вскинул руку в фашистском приветствии. – Чем обязан вашему вниманию? Собственно, догадываюсь. Происшествие сегодня ночью. Ведь так?

– Так, – кивнули офицеры.

– Вы свободно владеете русским? – удивился Бурякин.

– Помилуйте, товарищ начальник, – губы рейхсминистра искривились в иронической усмешке. – Прожив столько лет среди чужих, поневоле начнёшь разговаривать на чужом языке, думать чужими мыслями и совершать неординарные поступки, которые, скажем, для вас являются вещами обыденными.

– Хотите сказать, что из тюрем бегут только в России? – поджал губы полковник. – Поэтому вы почувствовали себя вольготно и решили, что вправе заставить начальника обратить на себя внимание? Но вы для меня просто обыкновенный заключённый, хотя и с необыкновенным прошлым.

– Вовсе нет, господин офицер, – виновато отмахнулся Гесс. – Только для российских лагерей побег – это более доступная форма связи с внешним миром. Но что мы стоим? Прошу пожаловать ко мне, там всё и обсудим.

Гости последовали за высокопоставленным заключённым. Надо сказать, что Рудольф Гесс ещё сохранил свою коричневую форму без знаков различия, но надевал её только по форс-мажорным обстоятельствам. Сегодняшнее посещение высокого начальства было для рейхсминистра именно необычным случаем, и он с утра уже оделся, как подобает.

Мундиры майора и полковника были не парадными, да и приехали они сюда не как званые гости. Тем не менее, все трое выглядели по-деловому. Офицеры прошли к именитому заключённому в его жилище и с любопытством осмотрелись. Вернее, осматриваться стал только полковник. Майор, видимо, бывал здесь раньше, и оглядывать скромную небольшую комнату не стал. Да и смотреть, в общем-то, было не на что: несколько деревянных скамеек вокруг прямоугольного стола да небольшой топчан в углу. Бурякин обратил внимание только на догмат, написанный на стене, который недавно внимательно изучал сам хозяин комнаты.

– Позвольте, господин Гесс, – любопытствовал майор. – Вижу, вы действительно забыли, что вы – всего лишь заключённый? Я указаний о таких надписях не давал. Откуда это?

Гесс повернулся в сторону стены, куда указывал майор.

– Ах, это... По моим сведениям, в камере заключённого номер семь в тюрьме Шпандау имеется такая вот надпись. Поэтому я попросил, чтобы мне тоже написали на стене такое же уставное предупреждение. Это не даёт мыслям уходить в сторону и помогает сосредоточиться.

– Интересно, – хмыкнул полковник. – Как вы узнали об этой надписи? Насколько мне известно, тюрьму Шпандау охраняют спецподразделения четырёх стран, но никого из посторонних к единственному заключённому не пускают. Да и к вам запрещено приезжать с визитом кому бы то ни было, не исключая нас, так откуда же сюда проникает информация?

– У меня несколько иная связь с остальным миром. Я могу поделиться с вами своим секретом, только чуть позже. И не думаю, что мне в Шпандау было бы лучше, чем здесь, – пожал плечами рейхсминистр. – Сталину я оказался необходим именно в связи с владением секретной информацией, которую доставили наши эмиссары после посещения Лхасы.

– Вы говорите о путешествии немцев на Тибет? – поинтересовался майор.

– Да, если можно приказной рейд считать путешествием, – тонкие старческие губы опять искривила ехидная усмешка. – Наши штурмовики чётко выполняли поставленные задачи. В Лхасе они добились расположения далай-ламы Теньцзын Гьяцо и на короткое время были допущены к посещению Шамбалы. Информацией, вывезенной оттуда, владею я. Вот почему генералиссимус Сталин проявил столь живой интерес к моей персоне. Вот почему я помещён на пожизненное заключение именно здесь, а не в Шпандау.

– Всё это так, – кивнул полковник. – Но почему Иосиф Виссарионович не посетил вас здесь?

– Очень просто, товарищ начальник, – усмехнулся Гесс. – Сталин оказался просто трусом. Да-да, я не оговорился. Иногда власть захватывают очень скользкие, беспринципные и недалёкие личности. Тогда в такой стране наступает диктатура. Это случилось в Германии, к этому привёл Россию и ваш Сталин. – Рейхсминистр взмахом руки остановил попытавшихся возразить офицеров, будто действительно заманил начальство на остров ради того, чтобы прочесть им лекцию, и продолжил: – Я в тридцатые годы основательно изучил поведенческие надломы сознания Сталина с юношеских лет. В юности Джугашвили был семинаристом, но его выгнали из семинарии за мелкое воровство. Потом он подался в абреки и, набрав команду таких же разгильдяев, совершал набеги на речные суда и баржи. Только, заметьте, из похода бандит всегда возвращался один. С награбленным барахлом, но без сотоварищей. На исчезновение коллег долго никто не обращал внимания, но как-то раз грабитель попался и попался основательно. Вот тогда у околоточных открылись глаза – все поняли, что никакой банды не существует, то есть абрек избавлялся от сотоварищей после грабежа, убивал их, а на следующее дело нанимал других. Вот откуда появилась цитата, ставшая впоследствии крылатой: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет никакой проблемы!». На каторге ему грозило пожизненное заключение, но подвернувшиеся политические обещали помочь с побегом. Побег устраивать не пришлось, поскольку наступил 1917 год.

Рудольф Гесс специально сделал ударение на цифре, но офицеры пока не поняли, зачем. Меж тем рейхсфюрер продолжил:

– В годы Советской власти в стране постоянно шла скрытная смертельная драка за власть, как у пауков в банке. Вот поэтому я с самого начала возненавидел коммунистов и примкнувшее к ним воинство эсеров. В такой драке выживает только самый храбрый или же самый подлый. Храбростью Джугашвили не блистал с детства, а вот подлости в нём хватало на целый полк. Недаром же расстались с жизнью Киров, Зиновьев, Каменев, Бронштейн-Троцкий, Ульянов-Бланк и многие другие. Всех перечислять, я думаю, не имеет смысла, но истинная заслуга Сталина в том, что он сумел лишить власти американского ставленника Лейбу Бронштейна и всю весёлую компанию той же национальности. Убрав с дороги верных соратников и помощников в становлении Советской власти, Сталин никогда не задумывался, что за его артистическими кульбитами внимательно наблюдают соседи. Когда я начал разрабатывать план «Барбаросса», учтены были все упущения, или, как у вас говорят, «ошибки» прикарманившего власть беспринципного убийцы. Именно такой психологический портрет у меня выкристаллизовался в сознании. Однако я всегда утверждал, что вождь в случае необходимости никогда не спасует

перед кровопролитием. Большие проблемы всегда решаются кровью и «железом». Сталин полностью выпадал из моей концепции по той простой причине, что всех своих сотоварищей по грабёжам он приучился уничтожать задолго до возникновения Советского государства. Поэтому такой коллега в любом деле, а тем более в достижении власти над миром, просто опасен. Но тут сама госпожа Политика командует парадом. У него не хватило мужества даже приехать сюда, к заключённому особо строгого режима. Он прекрасно знал, что, освободив меня, можно достигнуть тех заповедных высот, куда стремятся все завоеватели и диктаторы со времён существования земли. Сталин отдавал себе отчёт, что я далеко не тот, кого можно запросто положить в больницу с будущим летальным исходом или обвинить в вейсманизме-морганизме с вытекающей отсюда эротогенной психологией.

– Простите, – перебил рейхсминистра майор Рукавицын, – но откуда взялся ваш двойник, которому приходится отбывать срок в Шпандау?

– Это обычный клон. По прилёте в Шотландию я думал передать герцогу Гамильтону не только формулу биологического клонирования, но некоторые гораздо более существенные и полезные вещи.

– Теперь ясно, почему вас навсегда исключили из списка национал-социалистической партии, – резонно заметил полковник Бурякин. – По сути, ваш перелёт – далеко не миссия доброй воли или же предложение союзничества. Это просто обыкновенное предательство. Хотите или нет, но в нашей стране подобные поступки расцениваются именно так.

Гесс поднялся со скамьи, на которую он и его гости присели, подошёл к столу, налил себе в гранёный стакан воды из графина, залпом выпил её и обернулся к оппоненту. Полковник внимательно наблюдал за островным заключённым, но, взглянув в глубоко посаженные глаза рейхсминистра, непроизвольно поёжился.

– Знаете, может быть, вы и правы, – неожиданно согласился Гесс. – Только в нашем мире невозможно обойтись без коллег и единомышленников. Гитлер же не смог воспользоваться поражением англичан в Дюнкерке исключительно по своей глупости. Более того, у него стала прогрессировать мания величия. Таким же недугом поражён был и Сталин. А первый и основной закон власти гласит: разделяй и властвуй! Человек, не способный ничем делиться с себе подобными, жалок, ничтожен и достоин уничтожения. Герцог Гамильтон и Уинстон Черчилль были больше всего способны на сотрудничество в овладении миром, однако ни у

того, ни у другого не хватило храбрости для неординарного поступка. Сталин решил наверстать упущенное коллегами. Одно время я даже подумывал, что человеку свойственно меняться и Сталин наконец-то сделает правильный выбор. Но этого не произошло. Кстати, опыты клонирования биологических животных давно проводятся американцами, и в начале нового столетия появятся первые клонированные экземпляры. А мой клон изготовлен, судя по всему, англичанами под покровительством Сталина где-нибудь на секретных военных полигонах Советского Союза.

– Но откуда вам всё это известно? – заинтересованно спросил полковник. – Выходит, если бы Сталин решился на встречу с вами, то власть над миром ему была бы обеспечена?

– Именно так, – кивнул Гесс. – А теперь уже поздно, и мне становится просто неинтересно разбираться в человеческих «ошибках». И не удивляйтесь моей осведомлённости о происходящих в мире политических и природных катаклизмах. Вам достаточно будет узнать, что мне известно о ночном задержании на пограничной реке Пяндж человека, пытавшегося пересечь границу? Причём нарушитель был не один. Второго при переправе подстрелили, а третьего на автомобильной камере утащило течением на речные пороги, откуда трудно выбраться живым. Но третьему повезёт. А пойманного вы ещё не допрашивали?

– Постойте-ка, – нахмурился полковник. – А ведь действительно... но откуда!.. просто мистика какая-то!

– Да, мистика, – кивнул рейхсминистр. – Это одна из наиболее правильных и действующих наук в сонме физических, технократических, психопатологических и других материальных стимулов сознания человека. Кстати, вы обратили внимание, что я пытался сделать ударение на 1917-м годе этого столетия?

– Вроде бы что-то проскальзывало, – подтвердил Рукавицын.

– Так вот, – продолжал Гесс. – Через три года, 17-го августа, мой двойник в Шпандау проявит желание повеситься. Вернее, ему помогут доброжелатели. Тогда и мой век канет в Лету, потому что, согласившись на клона, я дал ему часть своей генетической программы. Но дело не в этом. Вспомните, что случилось с Россией в семнадцатом веке?

– Вы имеете в виду патриарха Никона? – уточнил Юрий Михайлович. – Возникновение двоевластия, гражданская война...

– Именно это, – Гесс даже щёлкнул в воздухе пальцами. – Никогда ещё Русь не знала такой братоубийственной войны, как в семнадцатом веке.

– Вы клоните к тому, что цифра семнадцать – несчастливое число для нашей страны?

– И не только для страны, а для всех, населяющих её! – воскликнул Гесс. – Вы оба ещё доживёте до тех дней, когда наступит 2017-й год. Именно в это время с вашей страной могут случиться самые непредвиденные истории.

– Армагеддон, что ли? – спросил майор.

– Вы, офицер, довольно узко мыслите, – уголки губ старческого рта опустились вниз. – Попробуйте заглянуть за черту, которую видишь, и тогда не нужны будут никакие угрозы Апокалипсиса и другая прилегающая фурнитура. А вы, вы оба, сможете что-то сделать для страны, если до сих пор ещё любите свою непредсказуемую родину. Если вас заинтересовал грядущий 2017 год, то необязателен страшный Армагеддон или Третья мировая война. Скорее всего, в это время человечество достигнет ступени самоуничтожения.

– Уж не хотите ли вы нас уверить, – презрительно хмыкнул Бурякин, – что население всех стран прибегнет к самосожжению, отравлениям, добровольным виселицам? Бред какой-то.

– Нет, суицид не обязателен, – миролюбиво возразил рейхсминистр. – К тому времени созреет генетическая бомба. Произойдёт тотальная трансгенизация всей планеты.

– Нельзя ли конкретнее? – попросил Рукавицын. – Нам эти околонуточные термины не сообщают никакой информации.

– Можно и конкретнее, – согласился Гесс. – Наши учёные ещё до начала Второй мировой разработали так называемые плазмоиды. То есть обыкновенную бактерию растительного организма бомбардируют генетически чужеродной

бактерией другого. Получается плазмоида, то есть агробактерия, которая уничтожает всё живое, не похожее на неё.

- Но зачем это нужно?

- Очень просто. Например, уже сейчас американцы пытаются продавать всему миру клубнику, не боящуюся мороза, или картофель, не боящийся колорадского жука, или кукурузу, которая может расти даже на солончаке. Именно американцы завладели трансгенизацией агрономических культур. Генно-модифицированный организм может создаваться в любом количестве, поэтому американские «ножки Буша» постепенно завоёвывают рынок.

- Ваша трансгенизация распространяется даже в живых организмах? - недоверчиво покачал головой Бурякин.

- Не моя, - отмахнулся рейхсминистр. - Над этой проблемой начал работать ещё Тимофеев-Ресовский, [17 - Тимофеев-Ресовский Н. В. (1900-1987) - биолог, генетик, один из основоположников популяционной и радиационной генетики.] уроженец вашей страны, а не Германии. Задача была не из лёгких - накормить всю планету. Но клетки после трансгенизации не смогут иметь потомства. Допустим, зерно пшеницы, ставшее генно-модифицированным организмом, не сможет дать потомства, хотя искусственным способом может быть размножено в огромных количествах.

- Это ещё не способствует возникновению вселенской катастрофы, - возразил полковник.

- Вы полагаете? - печально улыбнулся Гесс. - Америка стала родиной всеобщей трансгенизации растений. И что мы наблюдаем сегодня? Более трети населения Соединённых Штатов страдают ожирением! Участилось возникновение лейкемии и рака желудка. Это - только поверхностные факты бытовой Америки. Для более точного диагностирования мне необходим доступ к так называемому информационному полю планеты.

- И под каким ракурсом вы это видите?

- Повторяю, - поморщился рейхсминистр. - У меня свои способы связи с внешним миром. Не в этом проблема. Трансгенизация агробактерий заражает

человеческий организм неизвестными болезнями. Человек через одно-два поколения тоже потеряет способность к размножению. Скажем, тот же картофель, прошедший трансгенизацию, пока ещё может расти, но уже убивает не только колорадского жука, но и другие бактерии почвы. Результат – если вы посадите в этом месте здоровый картофель, он уже не сможет дать урожай. То же самое происходит с человеческим организмом. И если человек не заболеет ожирением или раком желудка, то всё равно погибнет от голода, потому что генно-модифицированный организм самоуничтожается. По моим подсчётам, глобальное самоуничтожение произойдёт где-то в 2017 году. К счастью, моя смерть наступит значительно раньше, но тоже совпадёт со знаменательной датой.

– Откуда стал известен день вашей смерти? Ведь это невозможно!

– Мой день смерти совпадёт с днём смерти Советского Союза, только по годам ваша страна скончается несколько позже, – усмехнулся Гесс.

– Как?! – вскричал майор Рукавицын. – Что вы себе позволяете?!

– Подождите, – поднял руку полковник. – Подождите! Что значит – день смерти Советского Союза?

– Я стараюсь называть вещи своими именами, – отчеканил рейхсминистр. – Есть время рождения Совета Народных Комиссаров и есть время смерти, то есть исчезновения. Так вот, время смерти Союза Советских Социалистических Республик более ясно обозначено в матрице времён: это произойдёт 17-го августа 1991-го года.

– Простите, а время рождения разве неизвестно?

– В пресловутом 1917-м году не было никакого Совета Народных Комиссаров и лозунг Ульянова-Бланка – «Вся власть Советам!» – украден, простите, позаимствован, как и многое другое, у настоящих Советов народных цеховиков, мастеров и хозяйственников.

– Интересно!

– Более чем, – согласился Гесс. – Потому что к производственным Советам Россия пришла при Александре III Миротворце. В России тогда были Советы ивановских ткачей, стеклодувов из Гусь-Хрустального, хохломских художников, тульских оружейников, дягелевских и гжельских посудников, нижегородских аграрников и много, много других. Всех так сразу и не перечислить. Кстати, опираясь на аграрную реформу Столыпина, страна в короткий срок взяла бы экономику всего мира в свои руки. Однако ни Германии, ни Англии, ни США этого было не надо. Более того, девиз трудовых Советов – «Единомыслие, Единоверие, Терпимость и Взаимопонимание» – сводил на нет все нигилистические замашки, террористические афронты и прочую бессмысленность заварух. Что же нужно для создания неразберихи? Простая война! Здесь можно убийство возвести в почет и раздавать ордена «спасающим» родину от созданной ими же смуты. Но вернёмся к цифре «17»! Через три года, 17-го августа, американские ребята инсценируют смерть моего клона как самоубийство. К сожалению, они не знают, что основной носитель энергии должен быть рядом, поэтому, думаю, мой двойник очень трудно будет принимать смерть. А ещё через четыре года кремлёвские кресла попытается захватить группа проходимцев, которых и личностями назвать можно с большим трудом. Поэтому никакого путча не получится. Однако 17-е, 18-е и 19-е августа будут датами официальной кончины СССР. Именно с этого момента Россия начнёт превращаться в колонию Соединённых Штатов Америки. А если точнее, то в глобальный испытательный полигон, где кроликами или подопытными крысами послужит всё население страны. Единственно, кто будет частично ограждён от проведения трансгенизации, это члены правительства и состоятельные бизнесмены. Последние, кстати, сами покинут Россию и будут искать убежища либо в Испании, либо в Англии. Эти страны, включая Скандинавский полуостров, будут наименее опасными для существования. Заметьте, не жизни, а существования. Конечно же, вас съедает любопытство: откуда у меня такие точные факты и даты? Ведь не гадаю же я на кофейной гуще! Думаю, вам любопытно будет познакомиться с нашими достижениями, а заодно сделать оценку своим возможностям. Но для этого нам надо будет пройти вглубь острова, где находится наша подземная лаборатория. Вы не против?

Предложение рейхсфюрера было более чем заманчивым, хотя и несколько неожиданным. Во всяком случае, майор недавно вспоминал о необходимости проверить на острове шахту. Видимо, лаборатория Гесса находилась как раз в этой шахте. С другой стороны, простое человеческое любопытство никак не вязалось с воинской дисциплиной ни для майора, ни для полковника. Интуитивно уловив сомнения военных, рейхсминистр предложил:

– Я вас прекрасно понимаю. Устав, правила и прочее, тем более в пограничной зоне, но именно там я смогу вам объяснить ночной побег погибших заключённых. У меня система связи с общим миром работает пока только в одном направлении, поэтому пришлось рисковать жизнью добровольцев. Побег не состоялся. Но если вы оцените нашу работу, то, вероятно, никаких побегов больше не понадобится.

– Хорошо, – согласился полковник Бурякин. – Я иду с вами, а товарищ майор с рядовым останутся моей тыловой поддержкой. Идёт?

– Меня это устраивает, – кивнул Гесс.

– А меня нет, – возразил майор. – Я как начальник охраны отвечаю за всё, что здесь происходит, и обязан знать про прорытые шахты и какие-то там лаборатории. К тому же...

– Отставить! – негромко скомандовал полковник. – На данный момент моё решение наиболее приемлемо. Будущее покажет.

Майор не стал возражать, хотя ему очень не хотелось оставаться бронепоездом на запасном пути. Но с прямым начальством не поспоришь. Рукавицын встал и обратился к полковнику по уставу:

– Какие будут приказания, товарищ полковник?

– Значит, так, – начал Бурякин. – Вы с мотористом идёте к лодке, ждёте в течение часа. Если же я за это время не вернусь, вызывайте батальон и прочёсываете все доступные места этого острова. Всё. Выполнять!

– Слушаюсь, – отчеканил майор, развернулся кругом и почти строевым шагом вышел из помещения.

На улице к нему присоединился моторист с автоматом наизготовку. Полковник Бурякин некоторое время наблюдал, как офицер с рядовым шагают к причалу, потом обернулся к рейхсминистру:

– Надеюсь, часа нам будет достаточно?

– Так точно! – кивнул Гесс. – Итак, следуйте за мной. Но, простите, как мне лучше к вам обращаться?

– Как и положено зеку – «начальник»! – хмыкнул Бурякин. – Впрочем, если для вас это важно, то я являюсь командиром Московского погранотряда, на территории которого находится и это озеро, – полковник Бурякин Юрий Михайлович.

Рудольф Гесс, не оглядываясь, вышел из помещения и направился вглубь острова, в то место, где две сопки разделял тёмный сырой урман. Вытоптанная тропинка тянулась вдоль двух засеянных пашен. Справа перепаханное поле было ровным, а левое отличалось разделёнными длинными грядками. Поля, видимо, только что засеяли. Весна в этом году хоть и была ранней, но всходы ещё не успели пробиться к щедрому высокогорному солнцу. И полковник предположил, что правое поле, скорее всего, засеяно гречихой или овсом, а на левых грядках могли разместиться помидоры, огурцы, капуста, картошка и прочая овощная зелень, какая смогла привыкнуть к Припамирию.

За пашнями виднелись несколько жилых барачков вперемежку с сараями, где островитяне хранили выращиваемые продукты. Видное место занимал длинный пакгауз с прорезанными в нём окнами. Вероятно, там была общая столовая. Но тропинка там раздваивалась и уходила вправо, к сопкам. Та, что сворачивала налево к барачкам, тоже была утоптана. Но камня с надписями «куда пойти» на развилке дорожек не было.

Полковник Бурякин заметил, что чем ближе они подходили к сопке, тем больше возле дороги стало встречаться кустов рододендрона вперемежку с обычными лопухами, среди которых то и дело шныряли непуганые кролики. Видимо, им вольготно жилось на острове, а для островитян, навсегда отделённых от внешнего мира, кролики служили незаменимыми в домашнем хозяйстве животными, тем более что и особого ухода за ними не требовалось.

Протоптанная дорожка вывела мужчин к подножию сопки. Оттуда тропинка круто поднималась к вершине, где на обширной поляне стоял хорошо видный снизу небольшой щитовой домик, ничем не отличавшийся от других островных построек, разве что только размерами. Сбоку домика под навесом было сложено множество голышей в виде небольшой пирамиды. Такое сооружение вызывало, по меньшей мере, удивление, но Юрий Михайлович не стал проявлять любопытства, несмотря на то, что рейхсминистр бросил на гостя короткий

взгляд.

– Нам сюда, господин полковник, – Гесс открыл дверь щитовидного домика и прошёл вперёд.

В прихожей не было ничего необычного, кроме висевших на стенах люминесцентных фонарей. Тут уж полковник не смог сдержать своего любопытства и, показывая на освещение, удивлённо спросил:

– Ничего себе! Что это у вас? Неужели и здесь электричество провели?

– Это не электричество, господин полковник, – лукаво улыбнулся Гесс. – В тёмном болотистом урмане между сопками, недалеко отсюда, водятся грибы, которые светятся, когда высыхают.

– Гнилушки?

– Нет. Ничего общего! – возразил Гесс. – Поры гриба при жизни служат природным конденсатором солнечной энергии, и начинают светиться, только когда гриб высыхает. Долго ли продолжается свечение, мы ещё не знаем. Но те грибы, которые уже светятся, нас не подводят. Собственно, этот район находится в одном из аномальных мест планеты и не удивительно, если появится ещё какое-нибудь чудо.

– Видимо, это помогает вашей работе в подземной лаборатории, – резюмировал полковник. – Такие грибы – не просто чудо, а незаменимые помощники в работе. Я прав?

– Ещё как, – согласился Гесс. – Только электричество нам для работы тоже понадобилось. Пойдёмте, здесь неглубоко. Там всё увидите.

Рейхсминистр, сделав знак рукой, первым принялся спускаться по крутой лестнице, уходившей вглубь земли. Полковник не заставил себя уговаривать, потому что в нём с каждой минутой всё сильнее просыпались человеческое любопытство и творческая любознательность. Лестничные пролёты скоро кончились, и мужчины оказались в круглой комнате, из которой в разные стороны расходились четыре коридора. В коридорах по стенам висели такие же

грибные светильники, так что было довольно светло.

– Нам сюда, – указал Гесс в коридор, уходящий влево. – Именно там увидите одну из самых любопытных вещей. Но прошу не удивляться: все наши приборы изготовлены здесь, и никто, никакая страна на планете не имеет аналогов.

– Интересно, – недоверчиво хмыкнул полковник. – Как можно из ничего сделать что-то существенное? Или всё-таки помогала охрана?

– Может быть, помогала, а может быть, и нет, – пожал плечам Гесс. – Чем, позвольте узнать, охранник может помочь заключённому? Реально – ничем. Значит, каждый из нас и все вместе мы находим какие-то иные возможности для того, чтобы время, отпущенное нам на земле, не пропадало даром.

Коридор скоро кончился, и перед глазами полковника возник просторный подземный грот, по сводам которого цепочками разбегались грибные светильники. В гроте было полно столов, на которых громоздились какие-то приборы. Возле каждого прибора выполняли свою работу заключённые. Но они были одеты в белые халаты, как настоящие лаборанты.

Увидев вошедших рейхсфюрера и пограничника, все повскакали со своих мест и застыли по стойке «смирно». Гесс почти сразу же сделал знак рукой и проговорил:

– Вольно, вольно! У меня хорошее известие: к нам наконец-то пожаловало высокое начальство, а именно – командир Московского погранотряда на Пянджском направлении, под прямым кураторством которого находятся озеро и наш остров.

– Всё-таки не зря погибли наши ребята, – раздался голос одного из лаборантов. – Появилась хоть какая-то связь с Большой землёй.

Услышав это, Бурякин чуть было не крякнул в ответ, но вовремя сдержался. Потом, немного откашлявшись, он всё-таки решил узнать, в чём дело.

– Выходит, – начал полковник, – я обязан был посещать зону особого режима не реже, чем раз в месяц, и устраивать личный приём каждому заключённому?

– Вовсе нет, – ответил за подчинённых рейхсминистр. – Но нашей лаборатории стали известны факты криминального искажения действительности, поэтому нам необходимо было хоть кому-то сообщить об этом. Двое добровольцев хотели в первую очередь добраться до вас, на погранзаставу. А потом, если получится, в районный исполнительный комитет либо прямо в Москву, в государственное министерство здравоохранения. Именно там могли бы понять наших посланцев, а дальше дело приняло бы более крутой поворот, потому что если всё оставить как есть, наша планета в течение всего тридцати трёх лет утратит способность к существованию.

– Тридцати трёх? – переспросил Бурякин. – Это значит... это значит, в 2017 году произойдёт тот самый конец света, который не устают предсказывать проповедники разных эпох?! Вы же говорили, что ни на какие пугала обращать внимания не стоит? А тут, оказывается, землю ожидает гибель! Или вы не согласны с проповедниками? Вернее, сами записались в проповедники и прогнозируете смерть планеты через трансгенизацию агробактерий.

– Пророков всегда было много, да вот настоящих по пальцам пересчитать можно, – хмыкнул Гесс. – Мы не собираемся народными байками вас потчевать, это нам не к лицу. К тому же, я говорил вам, все мы здесь давно стали русскими и ваша страна нам отныне совсем не безразлична. Чтобы понять суть нашей работы и хоть немного разобраться в наших делах, прошу присесть в кресло возле вон того аппарата.

Юрий Михайлович с любопытством посмотрел на указанный прибор, который выглядел как обыкновенный металлический короб, внутри которого что-то тихо гудело и пощёлкивало. Возле аппарата на столе лежали разноцветные картонные квадраты с изображёнными на них таинственными символами. С торцов прибора выходили наружу два рычага, которые заканчивались прикрепленными к ним большими круглыми пластинами. Эти пластины были приближены одна к другой, но не плотно. Воздушная подушка меж пластинами составляла около трёх-пяти сантиметров.

Вдруг сквозь это небольшое пространство проскочила маленькая, но настоящая молния! Полковник даже вздрогнул от неожиданности. Воздух в лаборатории наполнился запахом свежего озона, будто подтверждая, что видение молнии было более чем реальным.

– Это наш основной прибор, – указал Гесс на металлический ящик. – Через него мы получаем информацию о вещах видимых и невидимых, о прошлом и будущем, о больном и здоровом состоянии не только отдельных личностей, а даже самой планеты в целом. Чтобы не быть голословным, предлагаю вам испытать действие потоков энергии, пропускаемых аппаратом, на себе.

Рудольф Гесс отступил в сторону и приглашающим жестом показал Бурякину на кресло возле стола, на ровной поверхности которого стоял внушающий уважение прибор. Полковник помедлил немного, но, боясь оказаться перед бывшим противником в неприятнейшей ситуации, твёрдым шагом подошёл к деревянному креслу и уселся в него, невольно косясь на стоявший рядом прибор.

Ассистент рейхсфюрера развёл рычаги прибора в стороны, потом один эбонитовый круг подвёл вплотную к затылку, а второй разместил прямо перед лицом офицера. Юрий Михайловичдохнул на чёрную матовую поверхность, и та на несколько секунд покрылась лёгким туманом.

– Сейчас мы отправим вас на несколько десятков лет назад, – услышал полковник голос немца. – Это прошлое, касающееся вас непосредственно, потому что через него у вас появится прямая связь с будущим. Мы не знаем, что вы увидите, но старайтесь запоминать всё, даже самые мелкие детали, потому что этот случай может рассказать вам о ближайшем будущем. А чтоб вам было понятнее, представьте матрицу времени, на витках которой отпечатывается калька событий. Эти события на первый взгляд никаким образом не связывают прошлое и будущее, но всё же непосредственно влияют на него. Узнав прошлое, вы сможете понять настоящее и предопределить будущее. Лучше всего, если вы сможете вспомнить свою первую любовь, первую девочку, первые нежные отношения и чувства, то есть всё то, что вы тогда испытывали. Это поможет прибору настроиться на ваше чувственное восприятие и наиболее точно определить причинность возникновения факта. Итак, в добрый час.

С этими словами ассистент рейхсминистра щёлкнул тумблером прибора, и полковник почувствовал, как из эбонитового круга ему в лицо хлынул поток невидимого света, будто бы лёгкий бриз коснулся щёк и сразу же растаял где-то за головой.

Глава 4

Полковник Бурякин вдруг увидел перед собой, как на экране телевизора, улочки славного города Кирова, в котором прошли годы детства маленького Юры. Более того, улочки стекались ручейками на городскую площадь к обкому партии, в котором отец мальчика работал тогда секретарём, то есть являлся непосредственным хозяином Кировской области со всеми вытекавшими отсюда привилегиями и уважительным поклонением местных жителей.

Юрка Бурякин был в ту пору не то чтобы хулиганом, но конфронтация с отцом витала в воздухе постоянно. Неизвестно даже, почему. Возможно, на ребёнка и взрослого действовал природный закон «отцы и дети», а может, какие другие причины, но мальчику преодолеть сакральный барьер пока что было невозможно. Не стремился к этому и отец, поскольку ему заботиться надо было о благосостоянии всей области, и на одного только сына времени, как всегда, не хватало.

В это время Юра познакомился с красавицей Тамарой из соседнего двора. Правда, Тома была красавицей только для него одного, но этого Юра ещё не мог понять и осмыслить. Да и надо ли? Тома была той частицей ещё непознанного мира, который привлекал своей запрещённостью, таинственностью и удивительным щекотанием где-то под ложечкой, когда Тома смотрела, не отрываясь, мальчику в глаза. Так умеют делать только девочки. И то не все!

Отец у Тамары был военный, и она как-то раз сказала своему поклоннику:

– Знаешь, Юрка, ты, наверно, тоже будешь работать в обкоме партии, как твой папочка. А я люблю военных! Только военный способен на подвиг! А ты... ты хороший, но к мужскому поступку, тем более к подвигу, ещё не готов.

Самолюбие забулькало у Юры под ложечкой, но ответить он ничего не смог. В общем, зря переживал мальчик, потому что человеческие страсти всегда откликаются на зов, а тем более затронутое самолюбие, и призывают к сумасбродным, необоснованным поступкам.

Как-то раз в парке возле дома он наткнулся на парней из их школы, которые устроили Тамаре «пятый угол». Несколько здоровых отморозков били девочку

кулаками – куда попадёт! Она стояла посреди них, обхватив голову руками и, не выдержав очередного удара, тут же рухнула на траву, превратившись в маленький бесформенный комочек, обтянутый коричневой школьной формой с белым фартуком, уже вымазанным капавшей из носа кровью.

– Уйдите, паскуды! – накинулся Юрка на хулиганов. – Уйдите, мрази, не трогайте её! Что она вам сделала?!

Поскольку Юра тоже пытался попасть в носопырку, особенно отморозку Хряку, то «пятый угол» продолжился, но уже для самого Юрки. Всё же мальчику удалось подобрать валявшийся на земле обломок толстой тополиной ветки и с размаху заехать этим дрючком по голове одному из нападавших. Драка сразу же прекратилась, но Хряк, хищно улыбаясь, сам пошёл навстречу ставшему спиной к дереву Юрке. Тот очередной раз размахнулся, пытаясь угодить Хряку в голову, но, видимо, не рассчитал удара. Хряк перехватил Юркину руку, вывернул и прохрипел мальчику в ухо:

– Ты, защитник долбаный! Знаешь, что эта кикимора завучу пожаловалась на то, что я у неё двадцать копеек стырил?

– Ты зачем девочку бьёшь, мразота? – в свою очередь злобно прошипел Юрка. – Я тебе сто раз по двадцать копеек отдам, только её не трогай!

– Идёт! – сразу согласился Хряк. – А ещё лучше, если ты прямо на крылечке обкома, где твой пахан работает, поиграешь немножко на гармошке и то, что тебе в кепку кинут, отдашь нам. Тогда твоя кикимора больше ни одного синяка не получит. Согласен?

Юра сначала опешил. Но предложение, поступившее от отморозка Хряка, было заманчиво: во-первых, Тому никто и никогда больше пальцем тронуть не посмеет; во-вторых, вся школа знала, что Юра здорово умел играть на миниатюрной гармошке, но никто никакого гонорара мальчику ещё не выплачивал; в-третьих, показать отцу, что его сын тоже на что-то способен!

– Идёт, – кивнул Юрка и пожал протянутую ему Хряком руку. – Только за слова отвечаешь?

– Зуб даю, – подтвердил Хряк и провёл ребром ладони себе по горлу. – Замётано.

На следующий день с утра Юрка взял с собой маленькую гармошку, на каких играют разве что клоуны, и отцовскую суконную кепку – для сбора податей. Заявился к парадному крыльцу обкома партии города Кирова и окинул оценивающим взглядом место первого в своей биографии бизнеса. Народу в обком проходило много, и многие действительно кидали в бездонную кепку мелочь, а один из райкомовцев не пожалел дать даже настоящий бумажный рубль, что было просто неслыханно! Такого успеха Юрка сам не ожидал. Надо же, так он за день, играя на гармошке, сможет заработать гораздо больше, чем его отец зарабатывал за месяц!

Но первые радостные чувства заступничества за любимую девочку, переплетённые с радостью первого заработка, рухнули, когда тяжёлая стеклянная дверь обкома партии резко распахнулась. Оттуда озлобленный, взлохмаченный, со сбившимся на сторону галстуком выскочил отец. Ударов, последовавших за этим, Юра уже не помнил. Помнил только глаза Томи, которая тоже почему-то оказалась здесь, на крыльце обкома партии. Этот взгляд, в котором отражались восхищение поступком, радость за настоящего заступника, испуг за него, поскольку взбесившийся отец наносил мальчику нешуточные тумачи, на всю жизнь запомнился Юрию Михайловичу.

На этом воспоминания полковника Бурякина оборвались. Видимо, с детских времён сохранились из наиболее ярких только эти. Но прибор, сумевший преподнести всё как интересный фильм, прокручиваемый по телевизору, действительно был достижением особо опасных преступников. Только на этом, кажется, сеанс ещё не кончился. Ведь лаборант Гесса говорил о связи времён. Значит, сейчас должны показать будущее. И действительно, эбонитовая пластина снова стала превращаться в экран телевизора, но изображение на нём выглядело вовсе не как прекрасное будущее.

Узкими горными тропами пробирался в ущелье Джиланды караван Усман-бека с богатым и неповоротливым обозом. Путь в ущелье был далеко не единственным, но горными тропами пока можно было проходить без лишних проблем и стычек с рыскавшими по округе красноармейцами комдива Фрунзе. Аллах берёт Усман-бека и позволял ему до сих пор благополучно избегать боёв со свирепыми красноармейцами. А за ущельем, куда уже почти дошёл обоз Усман-бека, их ожидал спасительный перевал Тагаркаты, за которым никакие красные уже не

страшны, ведь там, за Гиндукушем, за Гималаями, начинался Тибет – таинственная страна нераскрытых и похороненных человеческих тайн, которые были доступны разве что йохи[18 - Йохи (тиб.) – снежный человек.] да ламаистским священникам. Там, в высокогорьях Тянь-Шаня, давно существовало целое государство, неизвестное остальному процивилизованному миру. В разные эпохи со времён развития человечества сюда стекались народности и просто племена, не нашедшие себе места в остальном приличном, воспитанном в цепях насилия и агрессии мире. Туда решил переправиться вместе со своим народом, воинами и гаремом сам Усман-бек, которому претило соседство с тоталитарным красноармейским режимом.

Идея переселения в Тибет возникла далеко не сразу. Усман-бек старался найти какие-то выходы и пути сближения с красными интервентами, но пришедшие к ним в горы захватчики не принимали никаких лояльных способов разделения завоёванных территорий. У захватчиков был только один догмат разделения власти: либо ты с нами, либо против нас! Это всегда означало только одно: беспрекословное повиновение вооружённым до зубов красноармейцам, которые применяли оружие без каких-либо весомых причин, надеясь сломать и подчинить всё население силой, начиная от дехкана и кончая каким-нибудь баем или его ослом.

Таджики долго присматривались к пришедшим с севера красноармейцам, но, везде встречая издёвки и надругательства, сами взяли за оружие. Доходило до того, что в одиночку красноармейцу стало опасно показываться даже на базаре – он мог просто пропасть, а тело его, изрубленное на куски, скармливали собакам.

В ответ красноармейцы ещё больше свирепствовали, пуская в ход шашки, маузеры, винтовки и даже простые плети. Но когда в очередной раз несколько бедных дехкан и с ними муэдзин погибли, избитые плетью прямо на улице, чаша терпения уже переполнилась. Гарнизон красноармейцев вдруг бесследно исчез из города, будто и не было его. Но дело принимало слишком щепетильный оборот. Ни комдив Фрунзе, ни его боевые товарищи не простят исчезновения красноармейского гарнизона, и повальные расстрелы были неизбежны. Если красные и раньше хотели все проблемы решать силой оружия, то сейчас руки у них были полностью развязаны, а «святая месть» за погибших товарищей оправдывала любую резню.

Следовало искать какой-то выход из создавшегося положения, и один из старейшин племени вовремя вспомнил о Тибете, где в недоступных горных районах существовало царство покинувших этот мир людей. Говорят, там живут древние ваны, асы, китайцы и даже эфиопы, которые нашли совсем иной путь развития, без войн, насилий и грабежа. В это трудно было поверить, но ведь дыма без огня никогда не бывает. Значит, всё-таки есть где-то сказочное царство, а дорога всегда открывается ищущему.

Уходить с насиженных мест надо было немедленно. Даже овец пришлось бросить. В обозе были только волы, тянувшие тяжёлые повозки, верблюды, навьюченные тюками с различным скарбом, да ещё верховые ахалтекинцы – скаковые лошади, без которых и войско – не войско.

Прибыв в ущелье и наскоро расположившись, Усман-бек тут же послал верховых разведать все подступающие к ущелью дороги, потому что ночью никто не сунется, а утром, с первыми лучами солнца, перевал Тагаркаты должен быть чистым. Но вскоре со стороны дороги, протянувшейся к озеру Яшекуль, от которого дальше уходил широкий тракт в Ош, послышалась беспорядочная суматошная стрельба.

Сплюнув и помянув недобрым словом шайтана, показавшего красным, где искать караван, Усман-бек снова стал прислушиваться. Со стороны перевала Тагаркаты не раздавалось ни звука. Видимо, перевал пока никем не захвачен и с первыми лучами солнца можно будет покинуть эти края, эти родные горы, превратившиеся в бесконечное междуособное поле битвы.

– Ладно, – махнул рукой Усман-бек. – Видимо, пришло время искать новую родину. Аллах не оставит правоверных и не покажет путь в недоступные горы ни красным русским, ни коричневым англичанам, ни хитрым китайцам.

В это время к ночному стойбищу вернулся отряд верховых, проверивших дорогу в низину, к озеру Яшекуль, и разведчики доложили, что с той стороны к ущелью подтянулись значительные силы конных красноармейцев, которые утром обязательно пойдут на штурм ущелья. Значит, чуть свет надо уходить через перевал на юг.

Но тут далеко в горах со стороны перевала Тагаркаты раздались звуки перестрелки. Значит, красноармейцы успели-таки захватить перевал в свои руки

и утром ожидается последняя кровавая битва. Что красные не пощадят никого из беглецов – сомнений не вызывало. Разве что женщин могут оставить в живых.

Мужчины сели вокруг костра, чтобы перекусить перед завтрашней битвой и набраться сил. К тому же ночи в горах были очень холодные, и без огня, без кошмы, без тёплого одеяла из верблюжьей шерсти к утру можно было не проснуться.

Странное дело. Утром ожидался последний, самый страшный бой, все это понимали. Но никто не чувствовал себя обречённым, загнанным в силки зверем. Битва – значит битва! Лучше погибнуть в бою, чем быть вечным прислужником и подчиняться красному террору.

Время близилось к ночи, и темнота, как всегда в горах, упала неожиданно и обнажила на небе крупные и мелкие звёзды, сверкавшие волшебными сказочными искрами. Казалось, звёзды всё видят, всё понимают и подскажут беглецам выход. Но тишина никаким звуком не нарушалась, лишь звёзды продолжали поигрывать лёгким светом, будто уверяли, что нельзя терять надежду до последней минуты.

И правда! Вдруг прямо из темноты к костру вышел мужчина в тёплом, но дырявом халате. Он остановился в нескольких шагах от беглецов, опираясь на длинный посох.

– Мир вам, – произнёс незнакомец.

Мужчины, особенно те, кто оказались ближе к ночному горному духу, сразу же повскакивали с мест, и кое-кто даже обнажил клинок на всякий случай, но скорее всего, чтобы скрыть свой испуг.

– Мир вам, – повторил незнакомец и сделал ещё несколько шагов к вскочившим мужчинам. – Я могу помочь вам.

– Иди сюда, – позвал его Усман-бек. – Кто ты и как тебя зовут?

– Я знаю тебя, Усман-бек, – улыбнулся незнакомец. – А я? Считаю, что я хозяин этих мест и не хочу, чтобы ущелье Джиланды окрасилось вашей кровью. Моё

имя Алдар Косе. Слышал?

- Безбородый обманщик?! - вскричал Усман-бек.

И точно. На лице появившегося ниоткуда незнакомца не было ни клочка волос, лишь какой-то пушок, что бывает у весьма молодых мужчин. О Безбородом обманщике по всему краю ходили легенды, похожие чаще всего на весёлые выдумки о глупых богачах и очень умном, но всегда бедном народном герое, помогающем людям, попавшим в безвыходные ситуации.

- Безбородый обманщик? - уже более спокойно, но всё так же неуверенно повторил Усман-бек.

- Да, это я, - кивнул Алдар Косе. - И хочу помочь тебе выбраться отсюда живым.

- Но ведь я знатного рода и всегда был богатым, - недоверчиво прищурился Усман-бек. - Ты же, говорят, только бедным помогаешь.

- Я помогаю всем, кому нужна моя помощь, - возразил Алдар Косе. - Я знаю, ты уже думал умертвить всех женщин, чтобы они не достались красным, и сбросить в пропасть все богатства, которые у вас есть в обозе. Но этого не нужно.

- Что же ты предлагаешь? - недоверчиво поглядывал на него Усман-бек.

- Всё очень просто, - Алдар Косе присел рядом с Усман-беком, откусил предложенный ему кусочек солонины и продолжил: - Не надо убивать женщин. Те, которые смогут прорваться с вами через перевал Тагаркаты на разгруженных от поклажи верблюдах, пусть едут. Остальных красные не тронут, не до того им будет. Красные собьются с ног, когда будут по всему ущелью выискивать твою золотую казну, драгоценные камни, дорогие халаты и красивые ковры.

- Как же всё это я захвачу с собой? - сдвинул брови Усман-бек. - Даже женщины верхом на верблюдах - это уже обуза. Если тащить с собой золото, драгоценные камни и ковры - значит, на этих же коврах и погибнуть.

– Ты правильно мыслишь, – удовлетворённо кивнул Алдар Косе. – Но не принял во внимание, что сокровища можно спрятать здесь, только пусть этого не видят женщины.

– Здесь?! – вскричал Усман-бек. – Ты шутишь, Безбородый обманщик? Ты решил поиздеваться надо мной?

– Э-э-э, какой ты недогадливый, – покачал головой Алдар Косе. – Видишь недалеко отсюда эту скалу? С той стороны, возле вершины, есть небольшой грот, в котором всё твоё барахло уместится, даже место останется.

– Но как мы доберёмся до грота по отвесной скале?

– Очень просто, – улыбнулся Алдар Косе. – Убей пару волов, порежь их мясо на крупные куски и прямо с кровью прилепи к скале. Мороз сейчас сильный и куски мяса примёрзнут быстро. Двое из твоих слуг пускай забираются наверх и по верёвке втягивают всё богатство в грот. Здесь тебе оставлять будет уже нечего, кроме слабых женщин, но слабых жалеть не приходится. Ты с боем прорвёшься через перевал, а много позже, когда обоснуешься на новой родине, сможешь вернуться сюда и забрать свои сокровища. Красные их никогда не найдут, потому что грот виден только с перевала Тагаркаты, если присмотреться. А куски мяса буйволов отвалятся с восходом солнца. Пока красные будут гнаться за вами, отвалившиеся от скалы куски мяса растащат беркуты и шакалы.

Усман-бек недоверчиво выслушал Безбородого обманщика, которому не очень-то доверял: на то он и обманщик, чтобы обманывать. Но выбирать не приходилось. До утренних лучей солнца можно было управиться и даже подготовиться к прорыву через перевал. Так и сделали. С первыми лучами солнца быстрое боевое войско Усман-бека прорвалось через захвативших перевал красноармейцев и скрылось в южном направлении. Но горы – на то и горы, чтобы прятать от чужих своих жителей и всё, что им принадлежит. Доблестные красные бойцы комдива Фрунзе остались с носом.

Полковник Бурякин наблюдал эти события с живым интересом, поскольку неизвестный прибор сделал его как бы непосредственным участником происходившего. Только Юрий Михайлович видел всё либо с высоты птичьего полёта, либо находился неприметным фантомом рядом с воинами Усман-бека. Он

даже отлично запомнил лицо горного странника Алдара Косе, который пропал так же незаметно, как и появился. Одно полковник не мог сказать: был ли этот странник в действительности или же произошла какая-то фантазмагория сознания? Но прорыв был! И факт исчезновения драгоценностей – тоже!

Перед глазами Юрия Михайловича простиралось чистое сверкающее пространство, будто весь мир превратился в огромное зеркало. В следующую секунду полковник понял, что в сплошное зеркало превратилась эбонитовая пластина, находившаяся у него прямо перед глазами. Как такое может быть, Бурякин пока не мог дать себе отчёта, но факт присутствия телевизионного экрана перед ним и от этого тоже никуда не уйдёшь.

– А сейчас вы познакомитесь с важным эпизодом из будущего, – раздался из пустоты голос рейхсминистра. – Наблюдайте внимательно, поскольку он непосредственно связан с прошлым.

Значит, всё это было только прошлое! На будущее предстояло ещё взглянуть!

Блестящее Зазеркалье стало формироваться перед взором полковника в осязаемую картину какого-то города.

Высокие, стрельчатые и плоские, как раскрытые книжки, здания, широкая улица, по которой деловито снуёт народ, а по проезжей части несутся быстрые машины несоветского производства. Сам Юрий Михайлович в генеральском мундире шёл по пешеходной стороне широкой улицы. Шёл явно по делу, поскольку походка была твёрдой, быстрой, а в левой рукой он крепко сжимал ручку небольшого диковинного чемоданчика. Вероятно, специально для каких-то документов.

Среди многоэтажных плоских домов попадались и старые. Где-то такую городскую застройку Юрий Михайлович уже видел, только сразу не мог вспомнить, где. Впереди широкая улица упиралась в массивный мост, перекинутый через речку. А на той стороне реки виднелось высотное здание со шпилем.

Ведь это же Москва! Прекрасный и тёплый город, где началась его армейская карьера. Но сейчас город был совсем другим, будто кто-то перестроил и

переиначил удивительную архитектуру столицы на новый лад, по какому-то общему стандартному шаблону. Это шаблонное однообразие убивало неадекватную городскую архитектуру, воспринималось как появление безвкусной моды.

Бурякин узнал высотку со шпилем – таких в Москве построено только семь. Первоначальная идея – семь высоток со шпилями на семи холмах – была задумана и приведена к исполнению ещё в пятидесятых годах, в расцвет могущества Советского Союза. Именно эти высотки удивительной архитектуры принесли Москве особый шарм.

Что говорить, в том же Ленинграде помпезных дворцов и удивительных построек тоже предостаточно, но все вместе они набивают архитектурную оскомину. А вот отдельно стоящие здания или дворцы выглядят совершенно иначе. Один загородный Раёк архитектора Львова что стоит! Но того шарма, той ауры величественной доброты и русской открытости нигде не найдёшь, кроме Москвы. А новые здания, появившиеся в столице будущего, во многом скрадывали своеобразие города, какое чувствовалось здесь раньше. Может быть, Юрий Михайлович привык видеть Москву совсем другой, но если величественному старинному городу в будущем суждено так измениться, то, скорее всего, это произойдёт под влиянием времени и строительных новшеств.

И всё же это была Москва! Генерал деловито ступил на пешеходную дорожку моста, стараясь на ходу присмотреться к высотке со шпилем. Здесь по окончании строительства решено было разместить апартаменты гостиницы с помпезным названием «Украина», но что было в здании сейчас, сказать невозможно.

И даже здесь Юрия Михайловича не оставили бытовые приключения. Находясь уже на середине моста, после которого начинался Кутузовский проспект, генерал Бурякин снова посмотрел на красивое историческое здание со шпилем: на его крыше проводились строительные работы. Внимание генерала привлекло то, что один из многочисленных пилонов на крыше высотки вдруг зашатался, как московский тополь на ветру, потом застыл, наклонившись над круто убегавшей вниз стеной здания, словно над бездной. Потом, будто бы нехотя, рухнул вниз, прямо на газон и пешеходную дорожку, издав при этом грохот, подобный взрыву артиллерийского снаряда.

Падение башенки с крыши высоты в тот момент, когда к ней подходил Бурякин, не предвещало ничего хорошего. На месте, куда обрушился пилон, уже суетились какие-то люди в робах строителей, слышались суматошные крики. Видимо, гостиница «Украина» тоже отстраивалась, меняя облик, и одна каменная башенка не выдержала подмены или просто запротестовала своим каменным сердцем против реконструкции, где от старых архитектурных находок остаются одни воспоминания.

И всё же падение пилона в тот момент, когда рядом оказался Юрий Михайлович, значило многое. Генерал осознавал, что просто так ничего не происходит даже в Зазеркалье и если башенка свалилась именно сейчас, то это надо понимать как предостережение о грядущем сражении. Недаром рейхсфюрер предупреждал, что необходимо запоминать всё, что может быть показано. Вероятно, связь прошлого с будущим каким-то образом существовала, но что это за энергия, не знал никто.

Шум возле гостиницы со шпилем увеличивался, увеличивалась и толпа любопытствующих. Похоже, упавший с крыши пилон задел кого-то из рабочих, сновавших в это время внизу. Юрий Михайлович машинально свернул с моста в сторону здания со шпилем. Может быть, помощь понадобится, а скорее всего, просто поглазеть, ведь не каждый день с крыши сваливается кирпич!

Всё было, как всегда, – инертная Россия, инертная публика, инертные «ахи» и «охи». Юрий Михайлович поддался общему психозу толпы и зачем-то протискивался к свалившейся с крыши многотонной башенке. Через мгновение он понял, зачем.

Из-под конусообразного пилона, не до конца разбившегося, виднелась часть человеческого тела. Кто-то случайно оказался на месте падения, и человек, скорее всего, даже сообразить не успел, что навсегда прощается с жизнью. Генерал сделал ещё пару шагов к раздавленному пилоном человеку, тем более что голова у погибшего под удар не попала. Но, взглянув на покойника, Юрий Михайлович вдруг почувствовал себя плохо. Даже не плохо, а отвратительно. Генерал узнал в погибшем себя самого!

Да, этот человек был в гражданском, дорогого покроя костюме, да, этот человек никак не мог оказаться в Москве, но это был он сам, бывший полковник! Бурякин не мог не узнать себя хотя бы потому, что каждый день видел своё отражение в зеркале во время утреннего моциона. Погибший походил на Юрия Михайловича с

точностью до мужских морщин, до цвета открытых, уставившихся в небо глаз! Вот только лет покойнику было побольше. А может быть, это тоже клон – точная копия оригинала? Ведь рейхсфюрер Гесс говорил, что такое возможно станет в ближайшем будущем!

– Ни хрена себе! – не выдержал Бурякин. – Что это у вас в приборе? Там Дельфийский оракул обосновался и предсказывает вещи более, чем невозможные! Я вовсе не собираюсь оставлять свою службу в пограничных войсках и не собираюсь переводиться в Москву! А тем более жить жизнью обыкновенного гражданского человека! И откуда свалившийся с крыши здания пилон? Это, по меньшей мере, чепуха! – Юрий Михайлович, возмущаясь увиденным, отвёл от лица эбонитовый круг энергетического прибора, снова ставший тёмным и ничем не отличающимся от обычного физиотерапевтического аппарата. – Послушайте, господин Гесс, – обратился он к рейхсминистру. – Насколько можно верить тому, что я сейчас увидел?

– Я не собираюсь вносить в ваше сознание какую-либо сумятицу, – Рудольф Гесс присел напротив, взглянул полковнику прямо в глаза и вздохнул. – Понимаете, за долгие годы заключения у меня было о чем подумать. И о мистической политике Третьего рейха, и о своём сумасбродном полёте в Англию, и о вашей России, давно уже ставшей для меня второй родиной, ибо физическому телу человека свойственно питаться энергетикой той земли, где в данный момент времени проходит его жизнь. Причём в долгих размышлениях и последующей работе мне очень помогала информация, вывезенная экспедицией нашего института «Аненэрбе» из Лхасы. Заметьте, я всегда был врагом коммунистов, но не врагом религии! До нового века осталось совсем немного – каких-то шестнадцать лет. Может быть, это покажется вам глупостью, но лично мне кажется, что на сломе эпох врагам православной России удалось добиться немалых успехов. Каких, к примеру, тем же американским масонам не удалось добиться ни войнами, ни интригами, ни политическими хитростями. Так что, вполне вероятно, вместо правительственного флага над Кремлём рано или поздно взовьётся американский доллар.

– Какой ещё доллар, господин Гесс? – саркастически улыбнулся Бурякин. – Да никакому доллару наш твёрдый рубль не одолеть никогда в жизни!

– Вы уверены? – улыбнулся в унисон собеседнику рейхсминистр. – Тогда послушайте. Несколько лет назад Хомейни попросил помощи у Советского

Союза, надеясь при поддержке русского оружия захватить власть. И именно через территорию, охраняемую Пянджским погранотрядом, вводились тогда в Афганистан – по указу Советского правительства и самого товарища Брежнева – первые войска. Захват Афганистана, как известно, сулил баснословные прибыли от урановых шахт и добычи самоцветных камней. Вспомните, разве вы лично не интересовались совсем недавно, откуда взялись на вашем участке вырытые под диагональным наклоном брошенные шахты, возле которых сиротливо ютились вагонетки и узкоколейка, уходящая в штрек шахты? Ведь вам, принявшему территорию данного района под своё начало, ничего об этих шахтах почему-то не доложили! Казалось бы, такого просто не может быть, но это есть! Этакая вот криптографическая казуистика приключилась...

При последних словах рейхсминистра полковник расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки и хотел даже ослабить галстук, но быстро вспомнил, что такое попросту невозможно – галстуки советских военных крепились на резинках. Однако то, о чём вещал ему сейчас особо опасный заключённый, много лет ни на секунду не покидавший этих мест, было, увы, истиной! Бурякин и впрямь долго не мог в своё время сообразить, кто, зачем и когда вырыл в горах Памира так много наклонных шахт и даже проложил в земные недра узкоколейку.

– Я помогу вам разобраться со многими, на первый взгляд неразрешимыми, казалось бы, делами, – спокойно продолжал меж тем Гесс. – Ибо тоже заинтересован в сотрудничестве с вами, поскольку дней, отпущенных мне на пребывание в этом мире, осталось катастрофически мало. Итак, готовы ли выслушать прямо сейчас небольшую лекцию о мистической энергии земли?

– Прямо сейчас? – полковник непроизвольно оглянулся на заключённых, ассистентов рейхсминистра.

Однако никто, кроме ответственного за только что использованный Бурякиным прибор, не обращал на гостя ровно никакого внимания: все арестанты увлечённо занимались каждый своим делом.

– А какой резон откладывать? – выставил афронт Рудольф Гесс. – Я слишком долго искал связи с кем-нибудь из командного состава, чтобы откладывать теперь что-то на потом. Времени на предварительные объяснения уйдёт немного, но без них, боюсь, вы меня просто не поймёте.

– А как же Рукавицын?.. – предпринял очередную попытку возразить Бурякин.

– Условленного с ним времени мне для общения с вами хватит, – перебил его рейхсфюрер. – Впрочем, каждый человек обязан сам решать, готов ли он к поступку.

– Ну хорошо, – обреченно кивнул полковник. – Я готов не только выслушать вас, но даже оказать посильное содействие, если какие-то ваши заявления покажутся мне целесообразными.

– Прекрасно! – воскликнул Гесс. – Думаю, вы никогда не пожалеете о времени, потраченном на выслушивание моих объяснений.

– Я тоже надеюсь на это.

– Итак, – оживился Гесс, – начнём с азов, без которых азбука мистики, космогонии и алхимии окажется для вас непонятной. Число «три» в культурах Европы и России имеет особо важное значение, как Отец, Сын и Святой Дух. Для Германии это были Вотан, Вилли и Ви, а для России – Сварог, Велес и Перун. Для обеих стран лозунгом жизни на все времена было выражение Blut und boden.[19 - Blut und Boden (нем.) – кровь и почва.] Среди стихий кровь, конечно же, принадлежит к жидкостям, содержащим внутреннее пламя, однако это не только вода и огонь, но в то же время связь с землёй, которая никогда не позволяет энергии выйти из-под контроля. В юности я даже был уверен, что овладение знанием этого символа вернёт родовую память, в частности, арийцам. Миром никогда не правили потоки денег, и мне обидно, что Россия скатывается на путь деградации, а именно – поклонения Золотому Тельцу под руководством финансистов. То же самое случилось и с Германией под предводительством фюрера. Чем всё закончилось, думаю, напоминать не надо. Никогда ни за какие деньги не купишь той информации, которая связывает века и струится в потоках человеческой крови. Подумайте, что может существенно сделать какой-нибудь тщедушный еврей-меняла-финансист, нависнув крючковатым носом над потоком денег? Ни-че-го! С недавнего времени весь мир начала опутывать паутина электронной информации. К этому постепенно подходит и Россия. Но когда паутина электронной информации нависнет над всем миром, то кто сможет контролировать её поток? По любым электронным связям любой человек, независимо от статуса, сможет получить только дозируемые кем-то данные. В начале возникновения Третьего рейха я искренне думал, что этот «кто-то», дозирующий потоки информации, истинный ариец. Властвовать над потоками

крови всегда было нашим настоящим сердечным желанием. Только этот поток постоянно течёт из прошлого в будущее. И будущее станет подвластно только тому, кто владеет потоком информации. Но за то, что мой бывший друг и коллега Адольф Гитлер позволил себе и своему окружению пить кровь святых пророков, Бог дал им вечно пить кровь, проливающуюся на скотобойнях. Они достойны этого. Обратимся теперь к указанному мной второму символу. Во все века было известно, что почва является одной из основных субстанций создания мира. Но кроме неё, в самой распространённой теории алхимии не менее важными субстанциями считались огонь, воздух и вода. Моей ошибкой в изучении становленческих теорий было то, что почву и кровь я считал определением происхождения человека и не брал во внимание временную основу. А ведь древние арии – выходцы из глубин нынешней России, в частности, из Аркаима.

– Как вы сказали? – перебил рейхсминистра полковник Бурякин. – Аркаим? Я слышал, наши астроархеологи нашли в Западной Сибири какой-то древний город с таким же названием.

– Да, это именно то место, о котором я говорю, – кивнул Гесс. – Через Аркаим переселялись по планете выходцы из Гипербореи, материка на севере планеты, где сейчас находится Северный Ледовитый океан.

Рихард Гесс встал из-за стола, подошёл к стене, отодвинул висевшую там плотную штору, и перед глазами Юрия Михайловича предстала карта северной части планеты с Аляской, Гренландией, Скандинавией и всей северной тундрой нынешней России. На месте Северного Ледовитого океана виднелся огромный материк, и от него красные стрелки опускались вдоль Уральских гор до их южной части, где жирной точкой был обозначен город с надписью латинскими буквами – ARKAIM. Оттуда стрелки разбегались во все стороны планеты. Особенно бросалось в глаза направление в сторону Ирана, Аляски, Европы и Египта.

– Вот здесь ваши археологи должны были найти этот город, – рейхсминистр ткнул пальцем на южную часть Уральских гор. – Спросите: откуда мне известно место? Это как раз является одной из моих тайн, которую я вам, несомненно, раскрою. Так вот. В этом городе родился Заратустра, пророк первой мировой религии, которой до сих пор следуют некоторые народности Ближнего Востока, Индии и Непала.

– Как?! – удивился полковник. – Тот самый Заратустра родился у нас в России? Этого не может быть!

– Почему же не может? – ехидно улыбнулся Гесс. – Впрочем, давнее утверждение «этого не может быть, потому что быть не может» известно ещё с нигилистических времён Бакунина, Блюмкина и Ульянова-Бланка. Если вам интересно, могу рассказать подробнее о жизни и делах известного пророка, но только в следующий раз. Скажу, кстати, что умирать Заратустра вернулся к себе на родину в город Аркаим, столицу Царства Десяти Городов, которая существовала за пять тысяч лет до Рождества Христова в Западной Сибири на юге Рипейских гор.

– Вы хотите сказать, Уральских? – пытался уточнить Бурякин.

– Рипейских, – снова улыбнулся Гесс. – Такое название носил нулевой меридиан ещё до миграции народностей по планете. Нулевым он считался потому, что разделяет Европу и Азию как два полушария головного мозга, но дело не в этом. Ещё Заратустра считал, что в борьбе между стихиями Огня и Воды, которые управляют ходом процессов в Универсуме, наблюдается определённая цикличность. Например, каждые шесть тысяч лет происходят крупные катаклизмы, знаменуя собой приход эпохи льда. Она отмечена похолоданием и утратой человеческой активности. Но каждые семьсот лет наступает период активности солнечной энергии. В это время душа человека расширяется до размеров Вселенной, и он получает возможность влиять на ход космических событий. Самое важное, что мне удалось обнаружить здесь, это священный город Асгард – истинная прародина Одина и Вотана. Оказывается, Асгард существовал тоже на территории России, совсем недалеко отсюда, в Туркмении.

– Но как вы узнали об этом? – удивился полковник. – Как вообще узнаете вы о вещах, казалось бы, вам недоступных?

– О, это наследие Вотана, – промолвил Гесс и даже закрыл на минуту глаза. – Вотан обладал способностью к астральным путешествиям: пока его тело лежало на земле бездыханным, дух, превратившись в зверя или птицу, мог свободно странствовать повсюду, проникая в любые миры. И тогда, проникая в Зазеркалье, чувствуешь и начинаешь различать реальные запахи жизни и смерти. Причём, «когда смерть рядом, безотказно послушная, то становится возможной жизнь, ибо именно смерть даёт нам воздух, простор, радостную лёгкость движения – она и есть возможность».[20 - Морис Бланшо, франц.

философ.] Да вы же сами только что испытали на себе действие энергии Вотана. Или вам что-нибудь не понравилось? Или надо доказывать увиденное какими-то правительственными директивами, указами и другими очень важными бумажками?

- Нет, нет, - тут же принялся отнекиваться полковник. - Всё было настолько реально, что не поверить увиденному очень трудно.

- Ваше право, - пожал плечами Гесс. - Всё же прошу не забывать того, что увидели вы предполагаемое будущее потому, чтобы знать - можно ли избавиться либо исправить отпечатанное во временной матрице, но ещё не произошедшее с вами. Это и есть начальная степень обучения управлению энергией космоса. Освоив эту стадию управления, вы начнёте понимать смысл вещей, существования человека и определение своей цели в жизни планеты. До этого любой населяющий землю гомосапиенс разрешает проблему существования очень просто, иногда даже оригинально. Так вот. Приближается конец века. Казалось бы, ничего особо важного не должно случиться, но только отсчёт времени новой эры произошёл не от указов и постановлений человека, а от временной цикличности космоса, у которой один единственный хозяин. Я недаром обращал на это внимание своих коллег из Третьего рейха и даже добился разрешения поездки исследователей на Тибет. Мои предположения подтвердились и, чтобы избежать возможных катаклизмов по всей планете, необходимо срочным порядком избавляться от симулякров.

- Это что ещё за напасть такая? - округлил глаза полковник Бурякин.

- Знаете, - задумчиво продолжал рейхсминистр, - слово «симулякр» придумано не мной, но очень точно характеризует положение вещей. Вспомните, как ваша Москва живёт сейчас и как жила, когда верила в непереносимое наступление коммунизма!

- Я давно уже не был в столице, - с сожалением развёл руками Юрий Михайлович. - Но, думаю, всё осталось так же, потому что жизнь нашей столицы довольно инертна. Сейчас все куда-то бегут-бегут-бегут, невозможно остановить. А раньше никто никуда особо не спешил, но никто никуда и не опаздывал!

– Вот именно! – кивнул рейхсминистр. – Сейчас в толпу запущен этот вирус – симулякр, недавно изобретённый теми же американцами. Поскольку холодная война никогда не кончится, учёные Америки будут изобретать, и запускать в атмосферу всевозможные бактерии, сгустки отрицательной энергии и прочие достижения агрессивной технологии. Мне ли не знать этого?! Симулякр – очень опасное изобретение американских учёных. Эта бацилла создаёт в человеке имитацию бурной деятельности. Кажется, что человек что-то делает, куда-то вечно спешит, опаздывает, но результатом является пустота. Вспомните, какой богатой ваша страна была до исторического материализма семнадцатого года и какой она стала теперь! Раньше вся Европа стояла перед Россией на цыпочках и ждала: какую цену на следующий год объявит Нижегородская ярмарка на валюту! А теперь? А теперь – тот самый рваный доллар начинает развеваться вместо знамени над самой богатой страной планеты!.. И эта богатейшая страна, ещё не потерявшая свои силу и могущество, начинает жить на суррогатные подачки от владельцев рваного доллара. Более того, Россия уже стала должником почти всем странам, хотя тот же Брежнев, как шубу с барского плеча, подарил Англии вывезенный из России золотой запас ещё в годы Гражданской войны. Я знал об этих астрономических ценностях много раньше, поэтому предлагал лорду Гамильтону начать уничтожение коммунистического строя неординарным способом. Тогда война с Россией могла бы принять другой оборот, то есть без уничтожения людей. Но в Германии мне постоянно ставил «палки в колёса» господин Риббентроп, а чинные англичане оказались вообще ни к чему не способными. Успех и полная победа над Россией могли стать будущим Германии, но не таким грубым проигрышным способом. Я, начиная разрабатывать план «Барбаросса», указывал цель достижения настоящей победы в воссоединении сил немецкого народа со своей прародиной, а именно – с Асгардом и Аркаимом, где до сих пор находится дверь в Шамбалу.

– Вы это серьёзно? – выразил сомнение полковник. – Оказывается, древняя Индия и Тибет в Гималаях ни при чём, а всё замыкается на одной лишь России? Не накладно ли для одной страны?

– Понимаю ваши сомнения, – кивнул рейхсминистр. – Но как военный, владеющий какой ни на есть стратегией территориального сражения, скажите, зачем гитлеровским войскам было штурмовать Сталинград? Ведь тяжелее этого сражения во время Второй мировой войны не было. Даже Курская дуга в сравнении со Сталинградом кажется детской забавой.

Видя, что полковник, может быть, впервые в жизни серьёзно задумался над известной всем проблемой, но пока не находит вразумительного ответа, Рудольф Гесс в очередной раз усмехнулся, покачал головой и продолжил:

– Не трудитесь, герр полковник. Всё гораздо проще, чем вы думаете. От Сталинграда рукой подать до Аркаима. И поиски Асгарда не отняли бы много времени. А тот, кто посетит Шамбалу, станет достоин власти над всем нынешним миром без излишнего кровопролития, войн и потерь с той и другой стороны. То есть правительство планеты, а также религия объединились бы в одно целое и нераздельное. Кстати, позвольте узнать, чем в нынешнее время является ваша победившая страна для побеждённого немецкого народа? Не знаете? Вот и не ломайте голову, потому что я объясню вам всё наиболее доходчивым языком. Коммунисты никогда не отдадут добровольно свалившуюся к ним власть над огромной страной, её ресурсами и не откажутся от оказания влияния на проблемы мирового масштаба. Однако экономическое поклонение Золотому Тельцу неизбежно поставит страну на место одной из второстепенных американских колоний. Это просчитывается даже обычными бухгалтерскими расчётами. Следовательно, будущее у страны, прямо скажем, незавидное. Сомневаюсь, что хотя бы кто-нибудь из русских сможет попасть в Золотой миллиард.

– Золотой миллиард? – удивился полковник. – Это что такое? Я стараюсь следить за информацией, но такого экономического определения вообще не слышал.

– Золотой миллиард состоит в основном из американских евреев. Это клан, присвоивший себе управление всеми странами планеты. Россия, к сожалению, нужна остальному миру, а в частности Золотому миллиарду, лишь как кладовая сырьевых ресурсов, – терпеливо принялся пояснять рейхсминистр. – А любой стране достаточно около четырнадцати-пятнадцати миллионов населяющих её жителей, чтобы хватило рабочих для погрузки сырья и охранников для того, чтобы те же рабочие не воровали сырьё при вывозе за границу. Я давно уже категорически протестовал против превращения России в колонию. Ведь нельзя же фундамент здания, в котором живёшь, строить из гнилушек! Всё очень быстро развалится. Зачем же тогда создавать мировое правительство? Никогда не забывайте, что война идёт до сих пор и неизвестно когда кончится, поскольку демократы, даже превратившись в рабов американского доллара, должников и ничего не значащих на мировой арене политиков, никогда не выпустят оружия. На войне как на войне. Не убьёшь ты – прикончат тебя. Наступление на Россию сейчас ведётся по всем отраслям экономики и хозяйства. Ну-ка, скажите, на

каком месте у вас сейчас промышленность?

– Не могу сказать чего-либо определённого, – замялся полковник Бурякин. – Но мне кажется, всё выглядит не так уж мрачно, как преподносите вы. Та же военная промышленность даст сто очков форы любому достижению Европы и Америки.

– Вот именно! Только военная промышленность! Когда в хозяйстве отсутствует хозяин, то всё непременно замирает, потом уничтожается, растаскивается, разбазаривается менялами-финансистами, но ни в коем случае не восстанавливается. Даже на Москве сейчас ведётся одно лишь строительство. А кто и для чего строит, если у москвичей нет и не будет денег на покупку дорогих квартир?

– У нас квартиры не покупают, а распределяются населению Жилищным департаментом СССР, – возразил Бурякин.

– Скоро, очень скоро всё будет наоборот. Раньше вирусом симулякра заражали сознание только высокопоставленных чиновников. Допустим, человек вдруг решил выйти из-под контроля. Тут же ему делается звонок на домашний телефон, и бархатный вежливый голос произносит определённую кодовую фразу. Человек, заражённый симулякром, кладёт трубку телефона и послушно выбрасывается из окна или ещё как-то расстаётся с жизнью.

– Я помню, – перебил Гесса полковник. – Совсем недавно в Москве поднялся страшный шум, особенно среди средств массовой информации, когда за семь дней подряд с собой покончили несколько правительственных чиновников и министров. Это после Московской Олимпиады был самый ужасный фурор не только для Советского Союза, но и для стран социалистического содружества.

– Вот видите, – удовлетворённо кивнул Гесс. – Даже вы, человек, отдалённый от Третьего Рима или, как я его называю, Мирового Рынка, тоже замечаете некоторые удивительные вещи и уже не говорите, что «этого не может быть, потому что быть не может». Всё дело в том, что американские диверсанты принялись рассеивать симулякр в столице СССР для апробирования в реальном жизненном пространстве, а не в лаборатории. Теперь симулякром может заразиться каждый! Послушным населением смогут без лишней головной боли управлять не только Генеральные секретари ЦК КПСС и чиновники

партаппарата, но даже их непосредственные начальники из ЦРУ. Поэтому превращение России в испытательный полигон той же трансгенизации не за горами.

– Что вы говорите?! – возмущению полковника не было предела. – Я понимаю, вы – давний и убеждённый антикоммунист, но никакого беспринципного наговора слышать не желаю! Вы что себе позволяете? Забыли, что вы для меня – простой заключённый, хотя и бывший рейхсминистр. Так что придержите язык за зубами!

– Понимаю вас, герр полковник, – кивнул рейхсминистр. – Мои заявления выглядят довольно одиозно и глупо, но как вы объясните упорное и неотвратимое проникновение зелёного доллара на ваш русский рынок? Я неоднократно ставил в пример российскую экономику до семнадцатого года. Тогда вашу страну не только уважали, но и ценили рождавшиеся в ней умы. Недаром те же американцы стащили у вас идею хуторского хозяйства Петра Аркадьевича Столыпина, и фермерство позволило американцам вынырнуть из хозяйственной разрухи. А захватившие власть еврей-коммунисты смогли только успешно разбазарить, разворовать и уничтожить аграрную мощь России. Недаром почва и кровь прославлялись мною всегда. Именно это не дало вашей стране разрушиться до основания. Я хоть и сам когда-то принадлежал к масонскому обществу «Туле», но никогда не был сторонником «Розенкрейцеров», где обосновалось мощное финансово-еврейское поколение. Если эти господа окончательно захватят власть над СССР, то страну не спасёт уже ничто. Начнут погибать арийские племена, и наша история превратится в пыль. Вот почему я с самого зарождения национал-социалистической партии Германии ратовал за освобождение русского народа от влияния коммунистов и евреев. Именно двум нашим народам дана возможность установить мировой порядок на всей планете! О моих исследованиях, настроениях и находках знал Иосиф Виссарионович, но он знал также, что я не слишком доверяю бандитам. Ведь бандит и рыцарь – вещи несовместимые. Однако, оказавшись здесь, я думал, что ничего случайного в мире не происходит и что какой-либо дуэт возникновения русско-немецкого единства может произойти. Недаром вся советская страна ценила немецкий уклад жизни до фетишизма. Мой фюрер Адольф Шикльгрубер здорово просчитался. Россию ни в коем случае не надо было ломать! Ломать надо было только коммунистическое общество. В этом англичане вполне готовы были нас поддержать, но решимости у них, как всегда, не хватило.

Шикарный «Опель-Адмирал» нёсся по не слишком загруженной автотранспортом дороге на юг Германии, в Аугсбург, который давно уже стал официальной резиденцией заводов Мессершмитта. Аэродром при Аусбурге тоже принадлежал Мессершмитту как испытательный полигон. Рудольф Вернер Рихард Гесс, заместитель Гитлера по особо важным вопросам, уже два года официально приезжал на лётный полигон, чтобы освоить новые скоростные машины. Однажды испытательный полёт чуть не закончился для Гесса катастрофически. У штурмовика дальнего полёта «Мессершмитт-110» при посадке не открылись шасси, но спасла природная смекалка, и неофициальный испытатель смог посадить самолёт прямо на брюхо.

Об этом происшествии стало известно фюреру, и он категорически запретил Гессу рискованные полёты на целый год. Однако рейхсминистр продолжал тайком наведываться на испытательный полигон, и отныне все тайные полёты на любимившейся машине «Мессершмитт-110» удавалось скрывать от недремлющего ока Третьего рейха. Сейчас Рудольф Гесс снова ехал на секретный аэродром в надежде ближе к вечеру совершить очередной полузапрещённый полёт.

Рядом с ним в машине сидел сын Хаусхофера Альбрехт. Надо сказать, что младший Хаусхофер ревностно шёл по стопам отца и продолжал развивать прогрессивную теорию национал-социализма с непременным уклоном в мистические науки, практическую алхимию, астрологию и древнюю философию ариев. Как теоретик, Альбрехт Хаусхофер не достиг ещё тех высот, которых смог добиться его отец, но молодого Хаусхофера спасали деловые знакомства с сильными мира сего в разных странах. Мужчины долго обсуждали все «за» и «против» сближения с официальным противником на его территории, уже потерпевшим поражение при Дюнкерке, но пока недостижимым для оккупации. И это была Англия.

– Я не могу не предупредить тебя, Рудольф, – произнёс Альбрехт, почти не разжимая губ. – У нас с отцом обширные связи не только в Великобритании, но в Испании и Португалии. Правда, с англичанами дела обстоят не так уж лояльно, как хотелось бы. А всё потому, что бо́льшая часть населения этого дикого острова считает Адольфа Гитлера наместником дьявола на земле. Мне бы наплевать на англичан, если бы к населению не прислушивались такие

неординарные умы, как Уинстон Черчилль и герцог Гамильтон.

– Я хорошо помню герцога, – обернулся к собеседнику Рудольф Гесс. – Он гостил у меня во время Олимпийских игр в 1936-м году. Мы расстались как искренние друзья, а не как будущие враги. Тем более герцог надоумил меня всерьёз заниматься пилотированием самолётов, поскольку сам он на хлипком английском «Спитфайре» первым в мире пролетел над Эверестом. Это нас больше всего и сблизило. Не думаю, чтобы чьё-то мнение могло повлиять на наши сложившиеся отношения.

– Если всё действительно так, то нас в будущем ожидает настоящая удача, – тонкие губы Альбрехта тронула кривая усмешка. – Стоит тебе серьёзно поговорить с герцогом Гамильтоном, и ни ему, ни нам Гитлер вместе с Третьим рейхом будет уже не нужен.

– Ты в своём уме, Альбрехт?! – воскликнул Гесс. – Германия – ничто без Гитлера, а мы – ничто без Германии!

– Ты не забывай, пожалуйста, материалов о нашей незадействованной силе, скрытой на территории России! Документация давно уже получена сотрудниками «Аненэрбе» в Лхасе, – поднял вверх указательный палец правой руки младший Хаусхофер. – Гитлер знать ничего не желает о нашей прародине в Западной Сибири. По его мнению, отнять и раздавить – самый оптимальный выход из любого положения вещей. Победителя, мол, не судят. Чем же он отличается от коммунистов? Однако Германия никогда не станет сильной, не обретя магической силы, хранящейся в России. Не забывай: те материалы, которые наши учёные вывезли из Лхасы и которые хранятся сейчас за семью печатями в институте «Аненэрбе», присвоенные Генрихом Гиммлером, говорят, что Россия никогда не должна стать нашим противником. А ты сам признавался мне как-то, что трудился над разработкой плана «Барбаросса» и ещё несколькими тактическими и стратегическими решениями, которые пригодятся только при прямой оккупации российских территорий немецкими войсками.

– Мне не нужна война, Альбрехт, – пожал плечами Гесс. – Я давно вывел для себя теорию, что большие проблемы всегда решаются кровью и железом. В случае необходимости Германия не должна спасовать перед кровопролитием![21 - Любимые стандартные фразы Рудольфа Гесса.]

– Мы дружим уже больше десяти лет, – вздохнул Хаусхофер, – а при каждой новой встрече мне кажется, что я познакомился с тобой только вчера. Даже сейчас ты сам себе противоречишь! Убеждаешь меня в ненужности войны и тут же говоришь, что любая проблема решается только кровью и железом! Я не сторонник кровопролития и не раз говорил тебе, что дверей в Шамбалу не отыскать, шагая по трупам и отрезая головы. Никогда нельзя рубить сук, на котором сидишь! Эх, да в чём я тебя убеждаю? Вековые прописные истины каждый знает с детства, однако ты поступаешь иногда очень непредсказуемо. Это, скорее всего, похоже на отчаянную игру в русскую рулетку, только в барабане семизарядного револьвера не один боевой патрон, а шесть!

– Непредсказуемо, говоришь? – Гесс снова обернулся к собеседнику. – Что ж, может быть, ты и прав. Недаром я уже трижды пытался совершить полёт в Англию. Помешали только непредсказуемые, как и я, погодные условия. Впрочем, хорошо, что помешали. Видимо, перед отлётом мне действительно надо было обсудить цель этой необыкновенной выходки именно с тобой, теоретиком и мистиком геополитики и национал-социализма. Твой отец, профессор Карл Хаусхофер, давно убедил меня в действительном Lebensraum.[22 - Lebensraum (нем.) – расширение жизненного пространства.] Помнится, и ты, мой друг, до сих пор был не против идеи, согласно которой Германия и Англия как две страны, населённые англосаксами и ариями, должны объединиться, чтобы править миром. Или твоя точка зрения кардинально изменилась и мы отныне – представители двух враждующих меж собой племён дикарей?

– О боги! – Хаусхофер картинно поднял выразительные, чуть навывкате, глаза к небу, но ничего, кроме обтянутого серым габардином потолка автомобиля, не увидел. – Рудольф, ты же знаешь моё искреннее желание объединения двух исторических сил для овладения ключом мировой энергии, мирового господства! Любая держава только тогда становится сильным и непобедимым государством, когда происходит объединение различных народностей под юрисдикцией этого государства. То же самое должно произойти со всей нашей планетой. Лишь тогда окончатся войны, и исчезнет стремление «отнять и разделить», на чём сейчас помешаны коммунисты. Но тогда останется всего одна нация, способная управлять миром. Солярная миссия арийцев – вот истина, с которой должны будут смириться все народы и страны. Лично я советую тебе лететь прямо в Дангейвел-Хаус, что находится неподалёку от Эдинбурга. Это резиденция герцога Гамильтона, и если он не сможет оказать тебе радушный приём, то обязательно устроит встречу с самим Уинстоном Черчиллем, а это самая мыслящая голова во всей Англии. Во всяком случае, я безоговорочно согласен с

твоим решением самостоятельного полёта. Именно так мы сможем добиться успеха. Ведь если отстраниться от дел, то заниматься возрождением Германии из пепла никто не станет. Более того, замашки Гитлера непременно приведут к очередному краху. А Четвёртого рейха может уже не быть, как и Четвёртого Рима. Так что настало время совершить то, что я должен сделать в этом мире. С нами Бог, и да поможет нам сила Вотана!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Тройка» – судебная структура в СССР с 30-х по 50-е годы XX века.

2

Аркаим – столица Царства, или Страны Десяти Городов.

3

Рипейские горы – ныне: Уральские горы.

4

Контора (сленг) – здание КГБ на Лубянке в Москве.

5

Воспоминания профессора Карла Хаусхофера о встрече с Гитлером в Венском музее.

6

Рэм Эрнст – соперник Гитлера на лидерство в национал-социалистической партии Германии.

7

Штайнер Рудольф – немецкий философ национал-социализма.

8

Н. А. Бердяев.

9

Царство мёртвых в немецком эпосе.

10

Екклесиаст (др. евр.) – проповедник.

11

Хаген Теодор – немецкий археолог, исследователь инфернального мира.

12

Фирт – работник института «Аненэрбе».

13

Вотан – сакральный арийский демон.

14

Народ хочет быть обманутым (лат.).

15

Так будем обманывать (лат.).

16

Гитлер, «Майн кампф».

17

Тимофеев-Ресовский Н. В. (1900–1987) – биолог, генетик, один из основоположников популяционной и радиационной генетики.

18

Йохи (тиб.) – снежный человек.

19

Blut und Boden (нем.) – кровь и почва.

20

Морис Бланшо, франц. философ.

21

Любимые стандартные фразы Рудольфа Гесса.

22

Lebensraum (нем.) – расширение жизненного пространства.

Купить: https://tellnovel.com/holin_aleksandr/beglec-iz-kandagara

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)